

18+

СТИХИ

КОНСТАНТИН АРБЕНИН

ПЕСЕН

Зимовье
Зверей

Константин Арбенин
Стихи песен. Зимовье Зверей

«Издательские решения»

Арбенин К. Ю.

Стихи песен. Зимовье Зверей / К. Ю. Арбенин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987677-5

Самое полное собрание песенной лирики Константина Арбенина — петербургского поэта и прозаика, автора и исполнителя песен, лидера групп «Зимовье Зверей» и «Сердолик». В книге девятнадцать разделов: шестнадцать альбомов, два музыкальных спектакля, а также подборка песен, не вошедших в альбомы или даже не записанных. Значительная часть произведений публикуется впервые. Книга адресована не только ценителям творчества «Зимовья Зверей», но и всем, кто увлекается современной поэзией.

ISBN 978-5-44-987677-5

© Арбенин К. Ю.
© Издательские решения

Содержание

ГОРОДА, КОТОРЫХ НЕ СТАЛО	7
ГОРОДА, КОТОРЫХ НЕ СТАЛО	9
ПРОТИВОСТОЯНИЕ	11
КОГДА ТЫ СТАНЕШЬ МАЛЕНЬКИМ	14
ВЫПАДАЯ ИЗ ОКНА	16
БЕСПРЕДЕЛИЦА	19
РОМАНС	21
СТЁКЛА	22
ЗАХОДИ	23
ПЕСНЯ ПОПРОЩЕ	25
ЧИСЛО ЧЕЛОВЕКА	26
ГОРОД-СТОЛ	28
ОБЪЯСНЕНИЕ	31
CARMEN HORRENDUM	33
ПЫХ-ПЫХ	35
ПОРОСЁНОК	37
ЗИМНЯЯ МУХА	38
НОЧИ БЕЗ МЯГКИХ ЗНАКОВ	40
СПИ, ИДЁТ ВОЙНА	42
НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ	44
ПЛЕЧИ	46
БИКФОРДОВ БЛЮЗ	47
ПИСТОЛЕТНОЕ МЯСО	48
БИЛЛЬ О ПРАВАХ	50
ТЮРЬМЫ	51
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД	53
ДЖИН И ТОНИК	55
ПО ДАНТЕВСКИМ МЕСТАМ	57
КОНЕЦ ГЛАВЫ	59
СУДЬБА РЕЗИДЕНТА	61
ДАЙ МНЕ СОВЕТ	63
ВОДОЛАЗ 1	64
ПОЖАРНИКИ	65
СВИДЕТЕЛИ	66
ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ В РАЮ	67
ТЕЛЕГРАФНЫЙ БЛЮЗ	69
ИЖДИВЕНЧЕСКАЯ БАЛЛАДА	70
ТРАНЗИТНАЯ ПУЛЯ	71
ИДУЩИЙ РЯДОМ	72
ПРОСТО ПОМНИ	74
СВИДЕТЕЛИ	75
МЕЛОДИЯ НЕПОНИМАНИЯ	77
НАКАНУНЕ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ	78
ПОДМАСТЕРЬЯ	80
ДВОРНИКИ	81
УХОДЯ – ВОЗВРАЩАЙСЯ	83

ОБА НЕБА	84
ЛЕТАЙТЕ САМОЛЁТАМИ	85
ПАВОДОК	86
ЛЕСТНИЦА, ПОЛНОЧЬ, ЗИМА	88
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	90
ПЕПЕЛ КЛААСА	91
ПЕЧАЛЬНЫЙ РОДЖЕР	93
ОДИССЕЙ И НАВСИКАЯ	95
МАВЗОЛЕЙ	98
САМОЛЁТ	100
ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД	102
СНОВА В КОСМОС	105
ВЕЩИ СО СВОИМИ ИМЕНАМИ	106
КОВЧЕГ	107
НЕ ВАЛЬС	109
ГЛЮК	112
СОЛИДНЫЙ МЕДЛЯК	113
ПЕСНЯ ПРО ПТИЦУ	116
В ЗАПОЙ	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Стихи песен Зимовье Зверей

Константин Юрьевич Арбенин

© Константин Юрьевич Арбенин, 2020

ISBN 978-5-4498-7677-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самое полное собрание песенной лирики Константина Арбенина — петербургского поэта и прозаика, автора и исполнителя песен, лидера групп «Зимовье Зверей» и «Сердолик». В книге девятнадцать разделов: шестнадцать альбомов, два музыкальных спектакля, а также подборка песен, не вошедших в альбомы или даже не записанных. Значительная часть произведений публикуется впервые.

Тексты песен Арбенина самодостаточны, их вполне можно читать как стихи, вне музыкального контекста. Поэтому книга адресована не только ценителям творчества «Зимовья Зверей», но и всем, кто увлекается современной поэзией.

ГОРОДА, КОТОРЫХ НЕ СТАЛО

МЕДВЕЖИЙ БЛЮЗ

Жизнь обернулась лунной стороной медали.
Зима вернулась, разогнав весну и лето.
Уплыли музы в северные дали,
Оставив блюзы на плохих магнитных лентах.

И я читаю только про медведей.
Прикальваю бабочек к обоям.
Бью по гитаре, попадаю по соседям.
И прозябаю здесь изнеженным изгоем.

Я сбился с холода, меня прожгли метели,
Втоптали в снег, как в ватные тиски.
Я спился с голода, и, день отканителив,
Гляжу на лампочку, и таю от тоски.

Седые скифы в главном угадали —
Их злые мифы обратились в были.
Уплыли музы в северные дали,
Покинув вузы, серые от пыли.

И я под ногти загоняю струны,
Я остриём вожу по острию.
Но даже буквы превратились в руны —

Мне врут, а я ни бе ни ме не узнаю!

Моя мечта – уйти в леса с волками,
Избегнуть снов, как крысы – корабля.
Но мой удел – под кучевыми потолками,
Где в каждой кухне вместо лампочки – петля.

Опять маячит кто-то над гнездом кукушки,
Не прячет глаз и манит чистыми руками.
И я попался, я опять у муз на мушке,
Моя коса нашла на их точильный камень.

И я латаю ладаном набойки,
Я зашиваю латы рыбьими костями.
Мне надоело жить от пайки и до койки!
Я так устал бродить и бредить новостями!

Боль в помощь нам! Колени бьются к счастью!
Мне звёздный ковш плеснёт дождём в лицо,
И я примерю на холодное запястье
Свободы космоса сатурново кольцо.

1994

ГОРОДА, КОТОРЫХ НЕ СТАЛО

В чужедальние дальние страны
Путешествуя снова и снова,
На зелёных камнях Ватикана
Я увижу позабытое слово...

И припомню все прошлые жизни,
На которых та же тень отчужденья.
И глаза мои вдруг станут чужими,
Через прошлое вылечив зренье.

Вижу отроков в белых одеждах,
Говорящих со мной на латыни.
И в речах их любовь и надежда,
Потому что бог ещё с ними.
Здесь всё знакомо до боли в глазах,

И как будто бы голос
Кричит мне: «Я здесь уже был!»
В этих тёмно-вишнёвых лесах,
В расписных небесах,
Среди серых камней и могил —

В городах, которых не стало,
В городах, которых не станет,
В городах, которых не стало,
Но которые пока ещё с нами.

Постучусь в приоткрытые двери,
За которыми родные мне лица.
Мне откроют, но сперва не поверят,
Что такое могло приключиться.

А поверив, проявят участие
И спросят о будущем вкратце.
И я налгу им три короба счастья —
Пусть живут, ничего не боятся.

Здесь всё знакомо до боли в глазах,
И как будто бы голос
Кричит мне: «Я здесь уже был!»
В этих тёмно-вишнёвых лесах,
В расписных небесах,
Среди серых камней и могил —

Среди тех, которых не стало,
Среди тех, которых не станет,

Среди тех, которых не стало,
Но которые по-прежнему с нами.

Очень жаль, но пора возвращаться —
Пробужденье, увы, неизбежно.
А мне бы тоже три короба счастья
Иль хотя бы напёрсток надежды...

Но, путешествуя в дальние страны,
Я пройду потайными местами —
Городами, которых не стало,
Где живут те, которых не станет.

Где всё знакомо до боли в глазах,
И как будто бы голос
Кричит мне: «Я здесь уже был!»
В этих тёмно-вишнёвых лесах,
В расписных небесах,
Среди серых камней и могил —

В городах, которых не стало,
В городах, которых не станет,
Среди тех, которых не стало,
Но которые по-прежнему с нами.

1990

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Причеши меня против шерсти,
Обыграй меня против правил,
Разбуди меня ровно в шесть и
Окуни меня в острый гравий.

Проведи меня против ветра,
Против воздуха и течения,
Чтобы в радиусе полметра
Мир утратил своё значенье.

Сделай мне укол против боли,
Чтобы я – и душой и телом —
Был свободен в своей неволе,
Ограниченной беспределом.

Противостояние,
Противодвижение —
Как бы расстояние
Минус продвижение.

Нарисуй меня против света,
Заколдуй меня против сглаза,
Не давай ни на что ответа —
Ни согласия, ни отказа.

Осчастливь меня против воли,
Обнадёжь меня против правды,
Сделай мне укол против боли,
А потом налей мне отравы.

Противостояние,
Противодвижение —
Как бы расстояние
Минус продвижение.

Мы бросили жребий,
Мы сделали выбор —
Кто был в гордом небе
Орлом, тот и выпал,
Кто был тёртой решкой,
Тот истёрся, истаял
И птицам, не мешкая,
Сети расставил.
И я пуповину
Свою обрываю;
Я думал, что сгину,

Но вновь возникаю —
Из пепла, из пыли,
Из спермы, из праны.
Кухонные были,
Кривые экраны...

Я видел в них рождение нового мифа.
Я видел рождение нового мифа.
Я вижу рождение нового мифа.

Бессчётные сутки
Мы терпим осаду,
Но чёрные суки
Обходят нас с заду,
Стреляют нам в спину,
Поджигают нам перья.
Я, может быть, сгину
Зазря, но, поверь, я
Уже вынимаю
Гроздь сердца из клетки
И боль принимаю,
Зажатую в слепке
Нетленного света,
Зачатого словом,
И дальше – по снегу,
По кольям сосновым.
Мы продолжаемся,
Мы приближаемся,
Мы погружаемся —
Вот глубина веков!

Мы продвигаемся,
Не отвлекаемся,
Мы откликаемся
На имена богов!

Проведи меня мимо смысла,
Пронеси меня мимо цели,
По плечам меня коромыслом —
Нет надёжнее панацеи.

Ощетинь меня против боли,
Чтобы я, позабыв беспечность,
Стал свободен в своей неволе,
Замурованный в бесконечность.

Вроде бы стояние,
Вроде бы движение —
Как бы расстояние

Минус продвижение.

1993

КОГДА ТЫ СТАНЕШЬ МАЛЕНЬКИМ

Когда ты станешь маленьким,
Когда ты станешь крошечным,
Как будто бы игрушечным,
Ты будешь плакать вслух.

По улицам заброшенным
Ты будешь бегать, бедненький,
И тыкаться в парадные,
Не признанный никем.

И будет тебе холодно,
Тоскливо и невесело,
И хочется поужинать,
И хочется домой (ой!).

А пока ты велик и доволен судьбой,
Ты лежишь на диване и куришь кальян.
А на кухне жена – для неё ты герой,
Ты уверен в себе, ты ухожен и прятан,

Но скоро станешь маленьким,
Но скоро станешь крошечным,
Как будто бы игрушечным,
Как будто никаким.

Не будешь привередничать,
А станешь падать в лужицы,
И грязь на глупой рожице
Застынет, как испуг (пук!)...

А пока ты весом и довольно хитёр,
Ты уже отсидел, ты уже отлежал.
Добросовестный зять, щедрый брат двух сестёр.
И персидский ковёр, и черкесский кинжал.

Но вот как станешь маленьким,
Но вот как станешь крошечным,
Как будто бы игрушечным,
Как будто бы никем...

А все кругом огромные,
Такие, что не высказать,
Такие, что не выказать,
А главное – не взять (ать!).

Ты пока невредим, но ведь только пока.

Всё пока при тебе: и кураж, и гараж.
Но коль скоро ребро променял на рога,
Где гарантия, что всё твоё – не мираж?

А так вот – станешь маленьким,
А так вот – станешь крошечным,
Как будто бы игрушечным,
И будешь плакать вслух,

И плюнешь на ненужное,
А также и на главное,
А также на заглавное,
А также и на всё. (Всё.)

1992

ВЫПАДАЯ ИЗ ОКНА

Выпадая из окна,
Оглядишь по сторонам.
Если кто-нибудь внизу,
Есть опасность, что спасут.

Коль душа и тело врозь,
Оторви одно да брось.
На дорожку посиди —
И лети, лети, лети

До первого солнца, до первой крови,
До первого снега последней любви,
Лети, напевай мелодию боли,
За пазуху неба лети и живи,

Глотками, слогами, раскатами грома,
Раскрыв парашютом шальную мечту,
Лети, улетай к последнему дому,
Придумывай песни и пой на лету.

Выпадая из окна,
Погляди: кругом весна!
Лёд растаял и в лесу
По берёзам льёт слезу.

Улетая в эту даль,
Забери с собой февраль,
А кровинки на ветру
Я в картинки собираю.

По первому следу, по первым лужам,
По первому зову озябшей души —
Лети, согревай постылую стужу
И белые рифмы на землю кроши,

Лазерной стружкой, изящной пеной,
А там облаками на перекладных
Лети, распрямляясь басовую вену,
Минорным аккордом – и прямо под дых.

Выпадая из окна,
Вспомни дом, где спит она,
Спит и видит в полусне
Тень полёта на стене.

Зацепившись за балкон,

Опровергни этот сон,
Напоследок пошути —
И лети, лети, лети

По серому дыму, по кухонным сотам,
По сладкому поту румяных ветрил,
За чёрные трубы, за трос горизонта,
По меди, по стати, по ртути витрин,

По гладкому нёбу глубокого неба,
По тучам, по птицам – быстрее, чем звук,
Лети, улетай, протаранивай небыль
Осиновым клином раскинутых рук.

Выпадая из окна,
Не забудь, что ты – струна,
Заверши собой аккорд
И лети по курсу норд.

Не оглядывайся зря —
За спиной одна заря.
Улыбнись на посошок
И руби под корешок!

По стройным верхам, по слоёному низу,
Кривыми шипами по розе ветров
Лети, получай поднебесную визу —
Сквозь белые стены и стёкла домов,

Над муторным лесом, над городом брани,
То кролем, то бассом, то вольной стрелой,
В какие-то близи, в какие-то дали,
По вечной спирали смертельной петлём...

Приоткрытое окно,
Снег и красное вино.
В терпком небе – горький след
И обёртки от конфет.

По прибытии души
Всё подробно отпиши.
Буду нужен – позови
И живи. Живи. Живи.

От первого солнца – до первой крови.
От первого снега – и навсегда.
Живи, изучай географию боли:
Бессонницы-реки и сны-города.

Глотками, веками, раскатами грома,
Как крылья, расправив шальную мечту.
Лети, улетай к последнему дому,
Придумывай песни и пой на лету.

1993

БЕСПРЕДЕЛИЦА

Беспределица-мать,
Что в метелицу – плеть?!
Только рёбра ломать,
Только в кости звенеть,

Только ждать у ворот
Беспризорных гостей,
Только в солнцеворот
Плуг менять на кистень...

Винной лужей зима,
Караваем сарай,
В чевенгуровом поле
Кромешная синь.
Отсыпайся, Фома,
Только не умирай,
Только бешеной волей
Случайно не сгинь!

Нынче в небе – дыра,
Нынче тьма-таракань,
Как помойные чайки,
Слетелась в дыру.
Приготовься, пора!
Лучше встать в эту рань,
Чтоб успеть до начала
Пожить на миру!

Беспределица-птица хохочет в чисти,
Диким лесом бежит, мелким бесом кружит.
Угости её ветром, Фома, угости,
Или – всех засмешит,
Или – всех заснежит...

То не просто чума,
То не просто костры,
То не просто удушье,
Как перед грозой.
Просыпайся, Фома!
Видишь: зубы остры,
Видишь: воеет и кружит,
Сверкая косой,

Позолоченный век
Золочёной Орды —
Дождевые червовые

Твари-тузы,
Из-под Виевых век —
Краснозобые рты.
Придержи их хотя бы
До первой росы!

Беспределица-птица лютует в степи,
Бьётся камнем об лёд, вьётся пулею влёт.
Накорми её пеплом, Фома, накорми,
Или – всех заклюёт,
Или – всех заплюёт...

Птица Фенька, Снегирь,
Дрозд и Третий Петух,
Зверь Пустынник и Волок
Помогут тебе.
Размахнись во всю ширь,
Разойдись во весь дух —
И метнись в лог, где ворог
Топорщит хребет.

А мы поможем тебе,
Мы прикроем тебя,
Мы уйдём партизанить
В густые леса.
Мы крепчали в борьбе,
Мы теряли, любя...
Мы забыли, Фома,
Как творить чудеса.

Беспределица-птица колотится в дверь:
С права боку – тюрьма, с лева боку – сума.
Но не верь её присказкам, сказкам не верь,
Змееносец Фома,
Змееносец Фома!

Беспределица-птица над ухом свистит,
Конных гнёт задарма, пеших сводит с ума...
Это – присказка, сказка – всегда впереди.
Но с нами Бог и Фома,
С нами Бог и Фома!

1992

РОМАНС

Вы голодны, мадам? Кусайте локти.
Смотрите стрекозой на муравья.
Не надо драм, довольно капли дёгтя.
Забудьте всё. Вы больше не моя.

Вам холодно, мадам? Сжигайте письма.
Пусть чувство в них сгорит, как кошкин дом.
Все письма – вздор! На что они сдались вам!
Одни слова, с ошибками притом.

Вам жаль, мадам? Так опустите руки,
Не дёргайте меня за рукава!
Я знаю сам все каверзные трюки:
Гражданский брак – гражданские права.

Вы на мели, мадам? Сушите вёсла.
В гербарий поцелуй и цветы.
Пусть в сердце тлеет негашёная извёстка,
Но – всё к чертям! Вы больше мне не ты!

Вы каетесь, мадам? Не надо басен!
Не надо писем, песен и статей.
Мой быт без вас так сказочно прекрасен,
Что выше всех возвышенных идей.

Вам нездоровится, мадам? Попейте ж яду.
Вы всё уже испили, что смогли?
Я знаю сам: Отелло лучше Яго,
Но оба – звенья суть одной петли.

Вы в положении, мадам?.. Найдите выход.
Какой-нибудь надёжный и простой.
И разойдёмся без взаимных выгод:
Вы – как вдова, а я – как холостой.

Идите с богом и живите долго!
Так долго, чтоб я там не встретил вас...
Коль смерти нет, в забвенье мало толка:
Забудешь профиль – вспомнится анфас.

Но всё, что я оставляю вам в наследство,
Не стоит двух изломанных грошей.
Я – ваша цель, вы для меня – лишь средство
Для достижения изящных миражей.

1993

СТЁКЛА

У меня есть конкретное предложенье:
Заменить все стёкла на витражи,
Чтобы видеть в окне не своё отраженье,
А цветные картинки и миражи.

Пусть это кому-то покажется странным —
Новые стёкла в старые рамы.

Звон – бесцветные стёкла вон!
Прозрачные стёкла вон – звон!

В этом деле есть одно осложненье:
Слишком много осколков и резаных ран,
Но зато фантастическое впечатленье,
Будто в каждом окошке – цветной экран!

Цена небольшая: на руках и на рамах
От старых осколков – свежие раны!

Звон – ненужные стёкла вон!
Разбитые стёкла вон – звон!

Но я вижу, тебя терзают сомненья:
Ты в этой идиллии видишь обман!
Что ж, пусть кто-то из нас испытает прозренье,
Когда все миражи превратятся в туман!

Ведь стёкла рассыплются поздно иль рано,
Останутся только рамы да раны!

Звон – ненужные стёкла вон!
Прозрачные стёкла вон...
Красные, зелёные, синие, жёлтые стёкла —
Со всех сторон!

1993

ЗАХОДИ

Построив свой дом на пороге Луны,
Живу без часов, без газет и без книг.
Смотрю по ночам прошлогодние сны,
Снотворное звёзд положив под язык.

И лишь по утрам, когда лунный дождь
Стучит по стеклу позабытый мотив,
Я осознаю, что всё это – ложь.
Но ты заходи...

Но ты заходи —
Мой дом за углом
Этого дня.
Тебе по пути,
И, если будет не в лом,
Навести меня.

Но ты залетай —
Мы будем пить чай
В рождественской мгле.
Я тоже зайду,
Когда будет рай
И там, у вас на Земле.

Слеплю из огней большую свечу,
Повешу над входом портреты друзей.
Порву календарь – и буду жить как хочу,
Совсем не впрягаясь в напутствия дней.

И мой граммофон, вращая диск лет,
Поёт мне о том, что уже позади.
Но я сознаю, что всё это – бред.
Но ты заходи...

Но ты заходи —
Мой дом за углом
Этого дня.
Мы с тобой посидим
За лунным столом
И помянем меня.

Но ты залетай —
Я ближе, чем край,
Я лишь точка в нуле.
Я тоже зайду,
Когда будет рай

И там, у нас на Земле...

1990

ПЕСНЯ ПОПРОЩЕ

Сочинить бы песню попроще
Да и спеть бы её потише
Где-нибудь во бору или в роще,
Где её никто не услышит.

Сочинить бы песню потише
Да и спеть бы её попроще,
Чтоб никто не прочёл бы афиши
Иль прочёл в афише лишь прочерк.

Я не хочу быть крутым,
Я не хочу громко петь.
Всё это дым, только дым,
А я боюсь угореть.

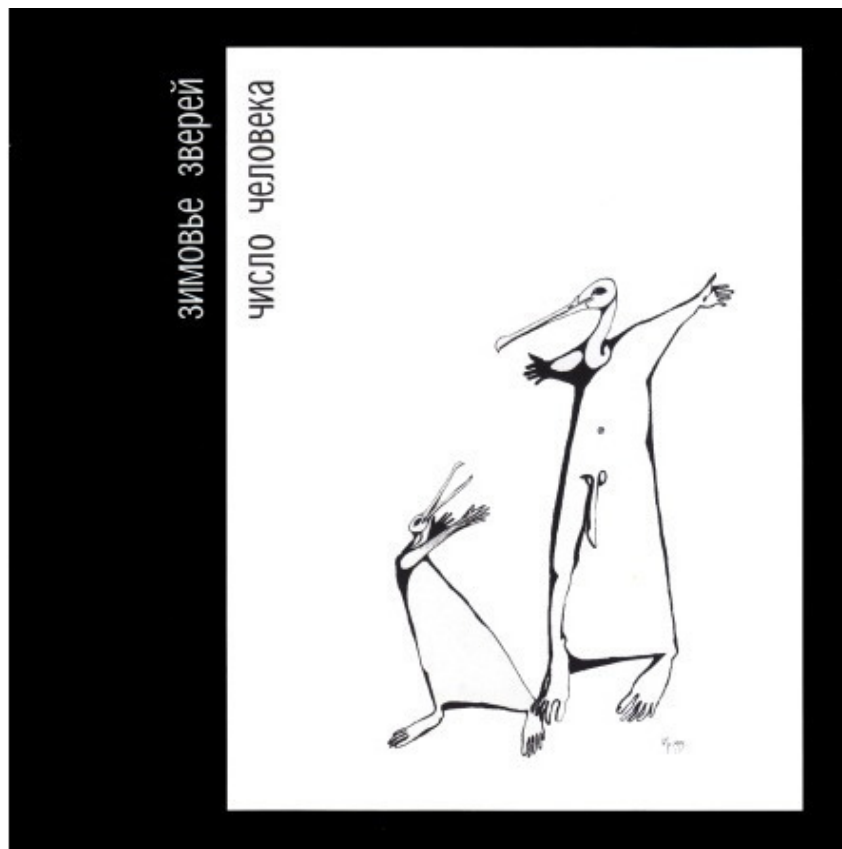
Сочинить бы песню без смысла
Да и спеть бы её без толка,
Чтоб она в ушах не зависла
Иль зависла бы, но ненадолго.

Сочинить бы песню похуже
Да и спеть бы её неважно,
Чтобы сесть с этой песней в лужу,
Плюнуть в зал – и уйти отважно.

Я не хочу быть крутым,
Я не хочу громко петь.
Всё это дым, только дым,
А я боюсь угореть.

1992

ЧИСЛО ЧЕЛОВЕКА

ДОМ НА ЗАКАЗ

За тёмным лесом – серые одежды.
Везение – как глянec в кружевах.
И даже бледно-жёлтый цвет надежды
Густеет на зелёных рукавах,

Когда ты вытираешь кровь с палитры
И сводишь эти пятнышки с ума
Под видом неотправленной молитвы,
С судьбой неразрешённого письма.

Твои картины пока никому не видны,
Твоё искусство ещё не смущает века,
Но эти стены уже не имеют цены,
И дом твой скоро пойдёт с молотка...

Семь мелких нот, семь отисков сознания,
Семь точек от укулов бытия.
Когда бы я изведаль мирозданье,
Таким уколом мог бы стать и я.

Но ты иные точки выбираешь
И время разворачиваешь вспять.
Зачем ты с каждой нотой умираешь,
Простым бессмертным не дано понять.

Твои баллады пока никому не слышны,
Твоё искусство ещё не смущает века,
Но эти стены уже не имеют цены,
И дом твой скоро пойдёт с молотка...

Дом на заказ,
Деревянный табурет,
Ночь, свет и газ,
Окно темно,
И тысяча лет
Одиночества вдоволь
В заколоченном доме —
Там, где нет нас,
Там, где нас нет.

Угрозы и плен,
Неврозы, гонения
На всех на нас,
Захваченных морозами в плен...
Мне бы шарф до колен,
Мне бы шарм поколения,
А не шанс околеть от измен...

1994

ГОРОД-СТОЛ

Каждой птахе – срок да вехи,
Сожалей не сожалей.
Эти каменные веки
С каждым днём всё тяжелей.

С каждым годом с новым счастьем
Всё трудней мирить старьё.
Но не бей судьбу на части —
Пусть былое, да своё.

Чем богаты – тем бедны,
Что храним – тому верны.
Всё, что есть, – тепла пол-литра,
Пять светильников-желтков
Да яичница-палитра
Из семи цветных шлепков.

Да ещё вот этот город,
Что ночует у дверей.
Ковырни каминный порох
Кочергами фонарей

И увидишь: спозаранку
И до самого поздна
Небо стелет самобранку
Из белёсого сукна.

Выдь на Мойку – чей там стон?
Этот город – чем не стол!

Приглядись: из каждой арки,
Из-под каждого моста
Он пророчит нам подарки —
Будет праздник хоть куда!

С карнавальными речами
В коммунальной тесноте
Да с Ростральными свечами
На Васильевском торте,

С шашлыками новостроек,
С Петропавловским рагу,
С самой горькой из настоек —
Чёрной речкой на снегу.

Хватит всем и чаш, и блюд!

Налетай, галдящий люд!

И пошли плясать по скатам,
Прыгать в прорубь, впрок грести.
Я хочу продолжить матом,
А из глотки льётся стих.

Вьётся ввысь архитектура,
Вырываясь из лесов,
Знать, моя толпа не дура,
Чует, сволочь, млечный зов.

Ешьте всё, кромсайте смело,
Каждой твари – свой кусок!
Нынче смерть себя отпела
И подставила висок,

Раскраснелась на миру —
Видно, кончится к утру.

Выстрел в лоб на лобном месте —
И взорвалась ночь-кирза,
То мороз кладёт на рельсы
Карамельки партизан.

Дробью, пулями, пыжами
Лёд размешан докрасна,
И в ста лунках размножает
Свой единый рог Луна —

Легендарное светило,
Одинокая мозоль...
Вертикалью перспектива:
С неба – сахар, оземь – соль.

Выпей Балтику до дна,
Соль к безрыбью так вкусна!

С Мойки – чай, с Фонтанки – пиво,
С Грибканала – горсть груздей:
Разошёлся всем на диво
Питер – повар-чародей.

Невской скатертью стартует
Чудо-стол на сотню миль,
И шампанским салютует
Ось зимы – бенгальский шпиль.

Закусив дымком «Авроры»

Да Казанским кренделём,
Молча выйдем на просторы,
И продолжим, и начнём...

Жизнь продолжим, год начнём...
Год продолжим, жизнь начнём...

Провожаем по потерям
Год, что встречен по долгам,
Но слезам своим не верим,
Только звёздам да богам.

Циферблат, готовый к бою,
Сахарится по краям.
Всё своё берём с собою
И несём дарить друзьям:
С Новым годом! С новым сном!
С новым хлебом и вином!

1995

ОБЪЯСНЕНИЕ

Обычай обычаев – честь по чести,
Но здесь все свои, здесь можно не врать,
Здесь вечер для тех, кто когда-то был вместе,
Здесь вымыл руки – и можно брать.

Здесь можно вляпаться, можно влюбиться,
Можно напиться, можно напеть;
Главное – вовремя остановиться,
Главное – вытерпеть и дотерпеть.

А там – хоть в ассенизаторах, хоть в генсеках —
Жизнь умножай на судьбу и дели пополам.
Мы все будем там – да, но в разных отсеках!
Похоже, аукнется каждому по делам.

Вы, что вы знаете обо мне!
Мой рок-н-ролл – я сам.
Всё остальное – брехня за глаза,
Всё остальное – вне:

Вне понимания вас и меня,
Вне компетенции меня и вас,
Всё остальное – просто фигня
Без права на пересказ,
Всё остальное – прыжки и ужимки,
Всё остальное – взаимный расстрел,
Всё остальное – по жизни пожитки,
Но... Такова ЖЗЛ!

Вы, что вы знаете обо мне?
Вы, что вы знаете обо мне!
Вы все – что вы знаете обо мне?!
Что вы можете знать вообще?!

И кто вы такие, чтобы вам меня делать?
И кто я такой, чтобы мне делать вас?
И кто вы такие, чтобы теменем в темя?
И кто я такой, чтобы с глазу на глаз?

И кто они такие, что ошибки прощают?
И кто я такой, чтобы учиться на них?
Обычно присутствующих исключают,
Но я в этот раз исключу остальных.

Вот вы, что вы знаете обо мне?
Лично вы, что вы знаете обо мне!

Вы все – что вы знаете обо мне?!
Что вы можете знать вообще?!

Я – вещь вне себя, я вне объяснений
Кого бы то ни было, кем бы я стал!
Я сам себе рок и сам себе гений,
Я сам завалился под свой пьедестал!

И кто мы такие, чтоб меняться местами!
И кто мы такие, чтобы встретиться вновь!
Обычай обычаев – в уста устами,
А может быть, просто, всего лишь – любовь?
Но, но, но!
Вы, что вы знаете обо мне?
Вы, что вы знаете обо мне!
Вы все – что вы знаете обо мне?!
Что вы можете знать?
Что мы можем знать?
Что мы можем?
Что мы?
Что?

...

1994

CARMEN HORRENDUM

Бродяга рыцарь растерял себя на виражах.
Завис под низким потолком в бою после обеда.
И ты с судьбой теперь на «вы» и с правдой на ножах.
Тебя воротит от людей, и каждый день – как день победы.

И застила твоё окно
Тупая пелена.
И мельницы тебя давно
Не вдохновляют на
Безумие во имя...
И я смотрю твоими
На всё глазами
И сползаю
Постепенно ниже дна.
Но сходи, Дон Кихот, с ума!
Сойди, Дон Кихот, с ума!
И всем им, всем докажи,
Что их разуму – грош цена!

Украдкой в круговерть
Тебя украдёт не смерть —
Тебя уничтожит жизнь.
А смерть – что тебе она!

Бродяга рыцарь расплескал себя по кабакам.
Не приобрёл других врагов в ином подлунном сквере,
Где каждый молится собой придуманным богам,
А ты бы рад, да ты придумал ерунду и – не поверил.

И ты с утра готов удрать
В дремучие леса,
Но лестницы тебя опять
Не выпускают за
Домашние границы.
И боли в пояснице
Нас побратали
Крепче стали,
Крепче брани за глаза.

Но влезай, Робин Гуд, в их сны!
Кромсай, Робин Гуд, их сны!
Стратеги обречены,
Когда в их мыслях – весна!

Ты примешь смерть от тоски,
В лесные попов тиски,

А вовсе не от войны.
А война – что тебе она!..

Бедняга рыцарь разменял себя по мелочам.
Пустил свой образ по ветру и сдал коня в аренду.
И больше, больше никогда над раной у плеча
Тебе Кармен под хор сирен не пропоёт Carmen Horrendum.

И больше не скользить тебе
По спальням при Луне,
Не бить пращою по судьбе,
Не возвращаться, не
Пускаться в авантюры!
Всех сил – на увертюры
Хватило лишь,
Но мы не учли, что
На войне как на войне...

Но ищи, Дон Гуан, своё!
Найди, Дон Гуан, своё!
И ей одной посвяти
Последний, посмертный том.

Сквозь сердце прогнав копьё,
Ты примешь смерть от неё,
А стоит ли или нет —
Поймёшь как-нибудь потом...

1995

ПЫХ-ПЫХ

*И у Ван Гога было детство.
И звали его просто Ваней.
А может быть, просто Гогой.*

Эти рельсы – тебе, эти шпалы – тебе,
Эти рельсы длиною в полмира.
Ты уедешь по ним на планету Тибет
И случайно проедешь мимо.
Мимо времени пик – прямо,
В одиночестве, как королева,
В предпоследнем купе направо,
На откинутой полке слева.

Чух-чух, пых-пых,
Паровоз твой,
Чух-чух, пых-пых...

И колёса – тебе, все колёса – тебе,
Все шестнадцать, лихих и быстрых.
Ты уедешь по ним на планету Тибет,
Ты умчишься быстрее, чем выстрел.
Мимо пуганых птиц – в небо,
По кустам, по местам, по травам.
До Полярной звезды – всё влево,
А потом до упора вправо.

Чух-чух, пых-пых,
Паровоз твой,
Чух-чух, пых-пых.

А я нажму на ручник, я по шпалам пойду,
Я тебя обогнать успею.
Мы сыграем без них в непростую игру
Под названием «Кто быстрее».
Мимо пыли – без прав и правил,
Красный свет – это не проблема.
Мы сперва поглядим направо,
А потом повернём налево.

Чух-чух, пых-пых,
Паровоз твой,
Чух-чух, пых-пых.

Эти рельсы – тебе, эти шпалы – тебе,
Эти рельсы длиною в полмира.
Ты уедешь по ним на планету Тибет

И случайно проедешь мимо.
Мимо времени треп – упрямо,
В одиночестве, как королева,
В предпоследнем купе направо,
На откинутой полке слева.

Чух-чух, пых-пых,
Паровоз твой,
Чух-чух, пых-пых...

1992

ПОРОСЁНОК

Прощай, мой друг Молочный Поросёнок.
Позволь пожать твой честный пяточок.
Ложись скорей на свой свиной бочок,
И досыпай, и добирай силёнок.

Судьба тебя пустила в оборот,
И, принесённый в жертву аппетитам,
Ты попадёшь посмертно знаменитым
Из грязи – прямо в королевский рот.

Кто знает точно: участь или честь —
Родиться под свинячьей звездой?
Чтоб в одночасье сделаться едою!..
А может, быть – быть съеденным и есть?

Заказан стол, в меню внесён герой,
Венки приправ, подушечки печёнок...
Ну вот и всё, наивный поросёнок, —
Ты мало жил, зато не стал свиньёй.

Я узелок потуже затяну —
Ты ничего не разберёшь спросонок.
Прощай, мой друг Молочный Поросёнок!
Отныне нам не хрюкать на Луну...

1995

ЗИМНЯЯ МУХА

Первая кровь – весной. Вторая кровь – летом.
Новая кровь – осень. Чай с молоком – зима...
Я мог бы быть кем угодно, я мог бы считаться поэтом,
Но моё сердцебиенье низводит тебя до ума.

Я, наверное, только немногим способен сознаться во многом,
Но те, кто умеет слушать, не умеют дышать – увы!
А я мог бы быть даже магом, я мог бы быть даже богом,
Но твоя коленопреклонность мешает мне стать таковым.

Бери меня сильным,
Веди меня, бей.
Укусом осинным,
Изысканным вкусом трагических фей
Развей меня по ветру,
Чтоб поровну было воды и огня.
Ищи меня поутру,
Заставь меня быть, образумь меня!

Атеизм начинается ночью, ведь ночи созданы не для спящих.
То, что делает меня сильным, однажды подсунет мне ту,
Что лишит меня права быть первым,
но даже ради всех, мне в рот смотрящих,
Я единственный в своём аде, триединый в своём аду.

Ведь если резать, то по живому,
Если плакать, то по живому.
По маршруту по дождевому
До ноябрьских скользких ночей.
Я теряю приверженность к Богу,
Я теряю привязанность к дому.
Опровергни мою аксиому —
Докажи, что я снова ничей.

И веди меня дальше,
Бросай меня в жизнь.
Без гнева, без фальши
Разгневанно смейся, изящно фальшивь!
Души меня мороком,
Чтоб плавилась воды и таял огонь,
Туши меня порохом,
Гашёною известью падай в ладонь...

Убиваю надежду первой, чтоб не мучиться слишком долго,
Но какая-то зимняя муха прямо в ухо вливает мне свет.
В бестолковости нету смысла, и в бессмыслице мало толка —

Так и сводит моё постоЯНство постоИНЬство твоё на нет.

Бери меня сильным,
Веди меня, бей.
Укусом осиным,
Изысканным вкусом трагических фей
Развей меня по ветру,
Чтоб поровну было воды и огня.
Ищи меня поутру,
Заставь меня быть, образумь меня!

1995

НОЧИ БЕЗ МЯГКИХ ЗНАКОВ

Кухоньки разных размеров и форм.
Взгляд из окна на металлический лес.
Серых бойниц проливной хлороформ.
Белой Луны нищета и блеск...

По батареям,
По батареям
Мыши шуршат, заматавая следы.
Я фонарею,
Я фонарею,
Когда по Неве проплывают киты.
Нас уже нет в перспективе окна,
Там лишь будущих солнц канифолевый град.
И снова на бис превращает весна
В твой город решёток мой город оград.

По парапетам,
По парапетам
Пули стучат, отбивая мотив.
Песня допета,
Песня допета —
Слово вспорхнуло, и город притих.

Ночи без мягких знаков,
Глухие мужские ночи.
Как хочется быть,
Как хочется быть
Хоть кем-нибудь, кроме себя!
Поезда в поясах монахов,
Переводы как многоточья...
Как хочется жить,
Как хочется жить,
Не очень-то сильно любя
Это дело.
Видимо, что-то случилось со мной...

Шествие дней сквозь распутицу дат.
Жизнь нам в кредит покупает ружьё.
На, получай свой фиктивный мандат,
Стреляй, если хочешь, право своё.

Новые песни,
Но новые песни
Будем писать под взаимным огнём.
Выживем вместе,
Выживем вместе

Или погибнем и – снова начнём.

Ночи без мягких знаков,
Глухие мужские ночи.
Как хочется быть,
Как хочется быть
Хоть кем-нибудь, кроме себя!
Поезда в поясах монахов,
Перегоны как многоточья...
Как хочется жить,
Как хочется жить,
Не очень-то сильно любя
Это дело.
Видимо, что-то случилось со мной...

1994

СПИ, ИДЁТ ВОЙНА

Время быть сильным,
Да силу не тратить.
Время быть вольным,
Да вволю терпеть.

От лютой метели
Я укрыл твоё тело
В белом просторном шатре из объятий.
Минуты летели,
И время свистело,
Ни духом ни сном не касаясь проклятий.

Над нами плясали
Секиры и сабли,
И падали головы в мутные реки.
А мы зависали
Под сводом сусальным,
И звёзды бросали нам блики на веки.

Всё чисто, всё гладко,
Мой плащ как палатка,
И стёкла затеплены тканью шинельной.
И семя по лавкам,
И туго, и плавно
Ветра заплетают мотив колыбельный:

Спи, идёт война.
Спи, идёт война.
Спи, пока идёт война.

Но я просыпаюсь,
Я в путь собираюсь,
Меня не удержишь ни мхом, ни травой.
Проснувшись – горе,
И, может быть, вскоре
Я стану бессмертным – ты станешь вдовою.

Плетут экипажи
Дорожные пряжи —
Сквозь чёрные сопки, сквозь рваные льдины,
За горние кряжи,
За братские пляжи,
Где воин и ворон – навек побратимы.

Там люди и птицы,
Устав суетиться,

Расправив кольчугу и сняв оперенье,
В крахмальной поддёвке,
Как мухи-подёнки,
Всё ждут после бани с судьбой примирения...

Плачь, Ярославна, но только не громко.
Пой, Ярославна, в степи над обрывом.
Видишь, по небу блокадная кромка —
Бронзовый купол с пурпурным разрывом.

Плачь, Ярославна, но только не громко.
Видишь, по небу, где месяц печаткой,
Голубь почтовый несёт похоронку —
Баннный листок с роковой опечаткой.

За страх и за разум
Всех скопом, всех разом —
Чтоб легче писать поминальные списки.
Тревога отстала,
И снега не стало,
Лишь зреют подсолнухи, как обелиски.

Их зёрна как буквы,
Как иглы, как угли,
Но тянутся к свету подстрочники смерти.
И почкой набухшей
Дымится на кухне
Постскриптум любви в треугольном конверте.

Спи, идёт война.
Спи, идёт война.
Спи, идёт война.
Спи, пока идёт...

Время быть сильным,
Да силу не тратить.
Время быть вольным,
Да вволю терпеть.

1995

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Ещё одним блюзом больше,
Ещё одной ночью меньше,
Ещё одним облаком глубже,
Ещё одним шагом вперёд.

Мы представим, что мы не дети,
Мы поиграем в мужчин и женщин,
Мы наделаем немного шума
И поверим, что время не врёт.

Будь просто легче,
Будь просто выше,
Будь просто воздушней,
Будь просто лучше,

Будь просто чаще,
Будь просто ближе,
Будь просто рядом —
Так, на всякий случай.

Превращаются ли блюзы в гимны
Или блюзы суть только письма?
Превращаются ли блюзы в слёзы
Или блюзы суть только глаза?

Мы не будем прощаться надолго,
Мы представим, что всё очень близко,
И без всякого ложного риска
Опрокинемся в нонтормоза.

И мы поедem, и мы помчимся,
Мы домчимся, а может, отстанем.
Мы достанем всех недостающих,
Посвятим – и оставим светить.

Мы смешаем лучшее с худшим,
Мы помирим Изольду с Тристаном
И докажем даже самым бездарным,
Что пришло уже время дарить!

Будь только легче,
Будь только выше,
Будь только воздушней,
Будь только лучше,

Будь только чаще,

Будь только ближе,
Будь только рядом —
Так, на всякий случай.

Если даже вовсе нет бога,
Если даже нет ни блюза, ни джаза,
Нам сыграет пару нот на гитаре
То ли ветер, то ли сам Мендельсон.

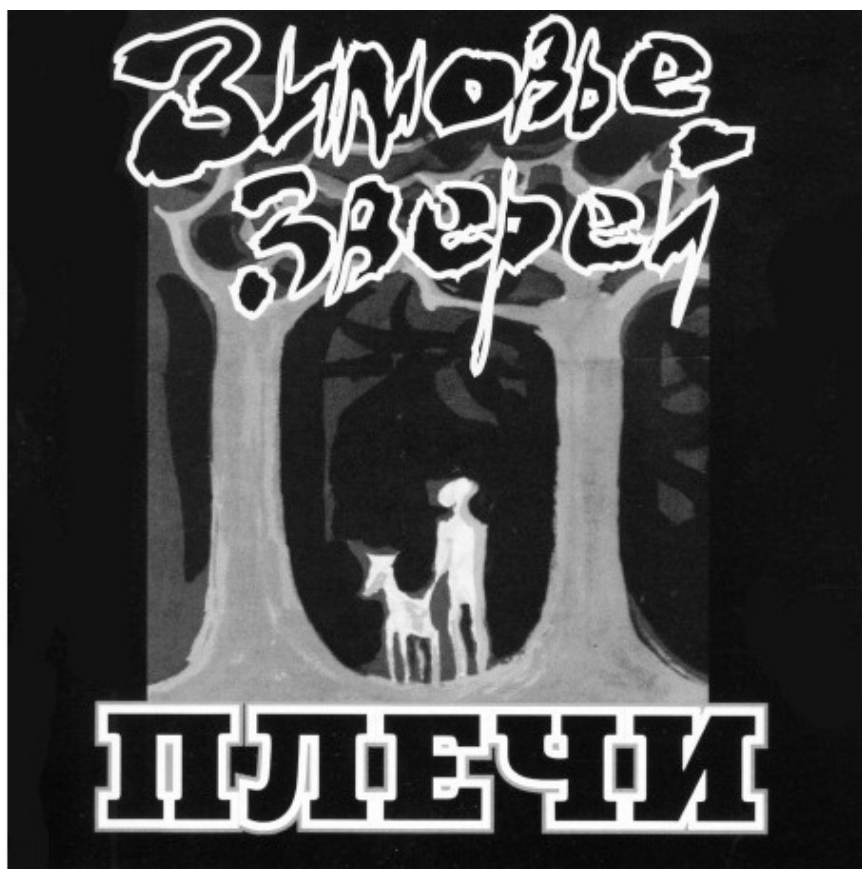
И мы поверим, что мы не дети,
И откроем в самом взрослом угаре
Этим джазовым нестандартном
Легендарный кайфовый сезон.

Чтоб быть просто легче,
Быть просто выше,
Быть просто воздушней,
Быть просто лучше,

Быть просто чаще,
Быть просто ближе,
Быть просто рядом —
Так, на всякий случай.

1995

ПЛЕЧИ

БИКФОРДОВ БЛЮЗ

Лучше считаться волком,
Чем называться шакалом.
Лучше висеть на крючке,
Чем говорить: «Сдаюсь».

Впитавший кровь с молоком,
Я с детства мечтаю о малом.
Так мотыль на моём ночнике
Исполняет Бикфордов блюз.

Если это средство – какова же цель?
Вот если бы Пушкин спалил лицей,
Он стал бы вторым Геростратом мира...
Но Питер – не Северная Пальмира!

1994

ПИСТОЛЕТНОЕ МЯСО

Чайки – вдогонку трамваю,
Чайник – вдогонку пиву...
Настигни меня у самого края
Приятным расстрелом в спину,

Чтоб я гордо раскинул бы руки
И компасом истлел у порога.
Обреки меня на безупречные муки —
И этого будет так много!

Этого много для иждивенца,
Но мало для Рыцаря Лени.
Веди меня плавно, как пленного немца,
Поставь мне клеймо на колени.

Наилучшее средство от солнца —
Пулевые бестактные линзы.
Прицелься и спрячь под прищуром эстонца
Обиженный взгляд Бедной Лизы.

Затвор – как запретную дверцу,
Приклад – как предлог между делом.
Назначь мне уютное место под сердцем —
И я сам обведу его мелом.

Для снайперов я – пистолетное мясо
Ценою чуть больше рубля.
Этого много для свинопаса,
Но мало для короля.

Пусть полнокровие Луны
Добавит блеска твоей короне,
Лишь кровь стечёт с клинка струны —
Я стану принцем этой крови.

В клубке трагических ироний
Вновь хеппи-эндом бредит мир —
Я стану принцем этой крови,
Ты – королевой этих лир.

На рок отвечать попсою —
Признак прощального тона.
Полей же меня неживою водою
Из глаз Печального Дона.

Но всех доноров со всей Ламанчи

Не хватит, чтобы выплакать море.
Первый пристрел, как обычно, обманчив,
И лишь в третьем присутствует горе.

Плесни же свинца мне из чёрного дота
В походное сердце солдата.
Того, что достаточно для Геродота,
Мало, мало, мало для Герострата!

1995

БИЛЛЬ О ПРАВАХ

Ты увлекаешься Брюсом Ли,
А я ценю блюзы Ри.
Ты любишь, чтобы стены были в пыли,
А я люблю вешать на пыль календари.
Ты лезешь вон из кожи,
А я смотрю тебе в рот.
И непонятно, кто из нас идиот.
Но – боже мой! —
как мы с тобою
непохожи,
смотри!

Пурпурный, серый бархат тебе не к лицу —
На свадьбу выбери чёрный цвет.
И в этом свежем виде выйди к венцу,
Страхнув пыльцу с изящных манжет.

Не трогай скатерть – эти пятна лишь гриль
Из полусонных толчёных тел.
Нет, это не паперть, здесь так танцуют кадрили,
Здесь Билль о правах превыше всех дел.

И мы с тобой станцуем им Билль о правах,
Заткнув за пояс законодателей мод...
Краплённый пот и пианино в кустах,
Но стоит поменять места,
Зажав уста, считать до ста —
до ста... до ста... до ста...
достаточно... цейтнот.

Ты увлекаешься Брюсом Ли,
А я ценю блюзы Ри.
Ты любишь пейзажи, чтобы как у Дали,
А я люблю дали и фонари.
Ты только строишь рожи,
А я в ответ кривлю рот.
И наш союз с тобой – как тот бутерброд.
Но – боже мой! —
Как мы с тобою
непохожи,
смотри...

1991

ТЮРЬМЫ

Город устал,
Город остыл,
Город впал в забытьё.
Веки твои наливаются ветром.
Что впереди – всё твоё.
А впереди, как всегда, километры
дорог.
Город у ног
дышит...

Видишь, как я задыхаюсь без времени,
Стараясь забыть всё, что было до нас с тобою?
Слышишь, как я прощаюсь с деревьями,
Пытаясь понять, где в листве состоянье покоя?

Но ветер срывает со стенок афиш заплаты,
Ветер сбивает все точки отсчёта истин.
Нам удалось совместить наши циферблаты,
Но стрелкам никак не сойтись в самом главном месте...

В городских кораблях —
Только пустопорожние трюмы,
На далёкой земле —
Лишь подвалы, цинга и решётки...
Что смогу я отдать —
Только тюрьмы, тюрьмы, тюрьмы, тюрьмы...
Больше нет у меня
Ничего-ничего за душою!

Так что выучи вавилонский.
Выучи вавилонский.
Лучше выучи вавилонский,
Выучи вавилонский:

Этот язык нам полезней других досужих.
Стаи борзых уже учуяли след весенний.
Я никому, никому до утра не нужен —
В этом моё и твоё навсегда спасенье.
Ночь гасит свет, горизонт выпрямляет волны,
Чайки по небу разбросаны, как листовки.
Нашей Луне суждено догореть по полной,
Но вряд ли мы оба вернёмся в одни истоки.

В городских кораблях —
Невезения и авантюры.
На далёкой земле —

Снегопады, цинга и решётки...
Что смогу я отдать —
Только тюрьмы, тюрьмы, тюрьмы, тюрьмы...
Больше нет у меня ничего-ничего за душою.

1995

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Средневековый город спит.
Дрожит натруженный гранит.
И ночь молчание хранит
Под страхом смерти.
Средневековый город спит.
Унылый, тусклый колорит
Вам что-то эхом повторит —
Ему не верьте.

В библиотеках спят тома,
От бочек пухнут закрома,
И сходят гении с ума
В ночном дозоре.
И, усреднив, равняет тьма
Мосты, канавы и дома,
И Капитолий, и тюрьма —
В одном узоре.

Спит средневековый город Краков.
Тихо. Тихо. Тихо. Тишь и тишина!
В лужах – отраженье звёздных знаков.
Полная Луна...

Ах, эти Средние века,
Где одинаково горька
Судьба партера и райка,
Вора и принца,
Где весь расчёт – на дурака,
Где звёзды смотрят свысока
И ни о чём наверняка
Не сговориться.

Мощёных улиц мишура,
Кручёных лестниц баккара,
И небо в сером, и сыра
Его закваска.
Средневековое вчера —
Невыносимая пора!
Здесь всё как будто бы игра —
Не жизнь, не сказка.

Спит средневековый город Вена.
Тихо. Тихо. Тихо. Тише, тишина.
Улицы его чисты, как пена.
Полная Луна...

А завтра будет новый день,
Тяжёлый день, ужасный день —
И самый мудрый из людей
Узнать не вправе,
Кому какой предъявит фант
Страстей и судеб фолиант —
Упавший с неба бриллиант
В земной оправе?

И вечность дальше потечёт,
А многоточие не в счёт,
На что ей сдался пустячок
В конце абзаца!
Не дай вам бог, не дай вам чёрт,
Не дай вам кто-нибудь ещё,
На этом месте в это время
Оказаться...

Спит средневековый город Бремен.
Тихо. Тихо. Тихо. Тише, тишина!
Тенью на камнях застыло время.
Полная Луна...

1993

ДЖИН И ТОНИК

Он ревновал её к дождю
И укрывал джинсовой курткой
Её июневые кудри,
А зонтик прижимал к локтю.
День дождался темноты,
Жизнь начиналась с середины,
И закрывали магазины
Свои разнузданные рты.

Ветра стояли на своём,
Шагая цепь священнодействия,
И пошлое Адмиралтейство
Сдавало ангелов внаём,

Но вместо звёзд их берегли
Два добрых духа – Джин и Тоник,
И мир, казалось, в них утонет,
Едва дотронувшись земли...

А мне казалось,
А мне казалось,
Что белая зависть – не грех,
Что чёрная зависть – не дым,
И мне не писалось,
Мне не писалось,
Мне в эту ночь не писалось —
Я привыкал быть великим немым.

Он ревновал её к богам
И прятал под мостом от неба,
А голуби просили хлеба
И разбивались за стакан.

И плоть несло, и дух опять
Штормил в девятибалльном танце —
От невозможности остаться
До невозможности унять.

И вечер длинных папирос
Линял муниципальным цветом,
И сфинксов он пугал ответом
На каждый каверзный вопрос.

И, видно, не забавы для —
По венам кровь против течения.
Миг тормозов – развал – схождение...

И снова твёрдая земля.

А мне казалось,
А мне всё казалось,
Что белая зависть – не блеф,
Что чёрная зависть – не дым.
И мне не писалось,
Мне опять не писалось,
Не пелось и не писалось —
Я привыкал быть великим немым...

И отступил девятый вал,
И растворил свой сахар в дымке...
К стихам, к Довлатову, к «Ордынке»
Он вдохновенно ревновал,

Но вместо рифм бежали вслед
Два юных сфинкса Джин и Тоник,
И воздух был упрямым и тонок,
Впитав рассеянный рассвет.

1996

ПО ДАНТЕВСКИМ МЕСТАМ

Вначале было слово – и слово было Я.
Потом пришли сомнения и головная боль.
Тяжёлые ступени, холодная скамья,
И тихая война с самим собой.

Водил меня Вергилий по дантевским местам.
Сырые катакомбы, крысиные углы...
Подглядывал Меркурий – из туч да по кустам,
Шептал проклятья и считал стволы.

Он говорил мне: «Не уходи!»
Он говорил мне: «Не улетай!»
Он говорил мне: «Слушай, отдай
Свою душу в залог!»
Он предлагал мне долгую жизнь,
Он уповал на украденный рай
И обещал мне в этом аду
Жилой уголок.

Потом настало чувство – и чувство было Ты.
Ложь стала бесполезней, а боль – ещё больней.
Вольтеровы цветочки, Бодлеровы цветы,
И чёрный дым – от кроны до корней.

Не требовал поэта на жертву Дионис.
Года летели клином, недели шли свиньёй.
Кумиры разлетались, как падаль, пузом вниз.
И каждый бог нашёптывал своё.

Один говорил мне: «Иди и смотри».
Другой говорил: «Сиди и кури».
А третий пускал по воде пузыри,
Когда я жал на весло.
Один предлагал мне хлеб и вино,
Другой намекал на петлю и окно,
А третий – тот требовал выбрать одно:
Добро или зло!

Но тут случилось чудо – и чудо было Мы.
И я послал подальше всю эту божью рать.
Я взял одно мгновенье у вечности взаимы —
Я знаю, чем придётся отдавать!

Измена на измене – мир прёт своим путём.
Предвзятое как данность, и целое как часть.
И рай теперь потерян, и ад не обретён —

Всё только здесь и именно сейчас!

1996

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Тебя носило по городам,
Тебя насилowała весна,
Рассвет свободы тебе не дал,
И вместо солнца взошла блесна.

Блеснула вешенкой на ветру,
Мелькнула пятнышком по среде,
Кольнула кольцами под кору,
И мы уже – никогда нигде не...

Темнело пиво. Самогон крепчал.
Тянулась речь на редкость благозвучно.
И небу было даже не до туч, но
Злопамятный уже штормил причал.

Я совмещал скольжение по кругу
С попыткой встать над миром вверх ногами.
Мы шли навстречу, но не шли друг другу —
Мы выглядели рядом дураками.

Я первый, ты вторая,
Кто принял этот яд.
Любовь не выбирают,
Любимых не винят.

Без лишних снов, без выходов из тел,
Сосредоточив явь в открытой ране,
Захлёбываясь в собственной нирване,
Я прерывал течение вечных тем.

Ты примеряла кольца и темницы,
Природу крыльев чувствуя плечами.
Мы пересекали воздуха границы,
Но контуров уже не различали.

Я первый, ты вторая,
Кто принял этот яд.
Судьбу не повторяют,
Забытым не звонят...

Темнело пиво. Самогон крепчал.
Назло врагам на маленьком диване,
Захлёбываясь в собственной нирване,
Я постигал конечность всех начал.

Мы бились лбом в раскрашенные стены,

Отборный бисер разметав икрою.
Мы вышли в звук, мы выдохлись из темы —
И разойдёмся братом и сестрою.

Я первый, ты вторая,
Кто принял этот яд.
Любовь не выбирают,
Любимых не винят.

1996

СУДЬБА РЕЗИДЕНТА

Родная! Ты помнишь своих героев?
Я здесь, я веду свой незримый бой.
Но рация снова вышла из строя,
И вся надежда – на новую связь с тобой.

Не верь никому – некрологи лживы!
Я не погиб и не сдался в плен!
Здесь мёртвый сезон, но мы всё ещё живы:
На невидимом фронте без перемен.

Родная, мой подвиг почти неизбежен,
Мой мозг под контролем, мой нерв напряжён,
А шифрограммы приходят всё реже,
И только – наложенным платежом.

Есть подозренья, родная, что ночью
Я вслух говорю на чужих языках.
Но кто я и с кем я – не помню точно:
Всё стёрлось, даже линии на руках.

Я помню только тебя, родную,
И наших двух (или трёх?) детей.
Я так скучаю, когда вхолостую
Секс-бомбы падают мне в постель.

Родная, эти мужские игры
Отшибли мне память, хоть застрелись!
Боюсь, что не вспомню ни физика Игрек,
Ни русскую пианистку Икс!

Семнадцать лет – как одно мгновенье,
Когда пули-дуры стучат об висок.
На всякий случай я впал в забвенье
И ампулу с ядом зашил в носок.

Всё это ради тебя, родная!
Но я заявить собираюсь для ТАСС:
Я всё позабыл, но я кое-что знаю!
Скажи это Юстасу – он передаст.

Родная, я всё превозмочь сумею:
Приказано выжить – отвечено «Есть!».
Но военные тайны всё дешевеют,
И скоро мне нечего будет есть.

Весна. А меня не пускают в отпуск

За то, что я съел сверхсекретный пакет!
А в гестапо вахтёр отобрал мой пропуск —
Это значит, обратной дороги нет!

Родная, я весь на грани провала!
На явках – засада! В квартире – завал!
Ещё один срыв – и пиши пропало!..
Но я не тот, за кого себя принимал...

Родная! Alles! С меня довольно!
Архивы – в урны, погоны – с плеч!
Пошлём всё к чертям – и уйдём в подполье
Вдвоём с тобою, как щит и меч!

Я прошу, хоть ненадолго...

1993

ДАЙ МНЕ СОВЕТ

Дай мне совет – куда мне идти?
Открой мне глаза, не заслоняй мне свет.
Дай мне совет – пока мы в пути,
Кто заплатит за дым звоном монет?

Слуховое окно, а за ним – чердак...
Кто же знает, что ещё будет со мной!
В этом мире и так, как всегда, всё не так,
Как всегда, бардак и шёпот муз за спиной.

Если некуда идти – иди на свет.
Если нечего ждать – жди перемен.
Если перемен по-прежнему нет,
Значит, встань с колен, встань с колен!

Если нечего скрывать – заматай следы.
Если не во что стрелять – стреляй в тишину.
Если нечего сжигать – поджигай мосты.
А если некуда плыть – то иди ко дну.

Дай мне совет – как быть мне теперь,
Когда эта дверь заперта на обед?
Дай мне совет, мой ласковый зверь,
Мой неласковый май, моё кино, мой секрет.

Только с ноты «до» – и уже не в такт!
Кто же знает, что ещё будет потом!
И я не знаю что, но я знаю как:
Как хотелось бы мне. А там – хоть потоп!

Если нечего читать – читай слова.
Если некогда спать – спи по ночам.
Если по ночам болит голова,
Значит, крепкий чай или – палача.

Если нечего делать – сходи с ума.
Если любишь тень – доживи до дня.
Если нечего терять – теряйся сама.
А если некого звать – позови меня

И дай мне совет...

1990

ВОДОЛАЗ 1

В тотальной пустоте морских глубин,
Средь пущенных на дно подводных лодок
Я буду вечно – водолаз один,
Затерянный в порту твоих находок.

Мне будет берег сниться по ночам,
Но я забуду радости земные,
Лишь только волны измочалят о причал
Украденные ветром позывные.

На самом дне, хлебая рыбий жир,
Жалея о прохладной твёрдой почве,
Я выплесну в бутылку глоток души
И перешлю его тебе по водной почте.

И поплыву сквозь мутный неуют
По воле волн летучим нидерландцем,
И уходящий на ночь в море солнца спрут
Порвёт мне шланг кривым протуберанцем.

И на безрыбье веря в злой обман,
Я на поверхность выплыву однажды.
И Ледовитый ядовитый океан
Задушит нас морским узлом солёной жажды.

А там, внутри, среди айсбергов и льдин,
Где минус сто и ждать тепла нет мочи,
Я буду снова – водолаз один
В скафандре самой-самой длинной ночи.

1993

ПОЖАРНИКИ

*Булату Шалвовичу Окуджаве
и Борису Борисовичу Гребеницкову...*

Господи, помилуй пожарников
С их бесконечным огнём,
С их портретами партии
И командиром-пнём,

С их техническим спиртом
И вопросами к небесам,
На которые ты отвечаешь им,
Не зная об этом сам.

Господи, помилуй пожарников,
Не дай им взойти на карниз,
Где дети вживую варятся
И женщины падают вниз,

И, когда ты их помилуешь, Господи,
Воздав за тревоги дня,
Удвой им выдачу спирта
И не забудь про меня.

1990

СВИДЕТЕЛИ

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ В РАЮ

Полярная ночь в раю
Случается раз в сто лет.
Архангелы дремлют в строю.
Притушен дежурный свет.

Занавешен служебный вход.
Еле слышно играет джаз.
И очередь у ворот
Ожидает назначенный час...

Пока они там храпят,
Мы здесь делаем, что хотим.
Мой млечный молочный брат,
Бесконечный мой побратим!

Бежим! Свобода не ждёт!
Отрекись от этой райской среды!
Здесь один лишь фруктовый лёд,
А мне так хочется пресной воды.

Бежим, мой ядерный друг!
Век-другой отсидимся в тени
И выйдем на новый круг —
Ну соглашайся, друг, не тяни.

Возможно, что это шанс,
Предназначенный лишь нам двоим,
И главное – сделать шаг,
А Бог нас не выдаст своим.

Мы ведь ближе к нему, чем те,
Что целятся в нас по делам —
Движением по нужде
И мыслями по углам.

Мой Боже, сожги свой пульт —
Свобода мне по плечу!
Но делать из культа культ,
Прости меня, не хочу!..

Тиха бескрайняя ночь
Во вневременных поясах.
А ты часовых обесточь —
Ты же знаешь толк в полюсах.

Полярная ночь в раю.

Бестолковый день на Земле.
Ты спишь? Баю, баю, баю...
Всё сны о добре и зле...

1994

ТЕЛЕГРАФНЫЙ БЛЮЗ

Пришли мне телеграмму в две строки —
Я сделаю её своей настольной книгой,
И буду часто перечитывать, и, вникнув,
Переведу на все земные языки.

А впрочем, хватит и одной строки —
Лишь только имя, дата, город и созвездье,
И в этой тетраграмме буду весь я,
Открытый линиям твоей руки.

Напой мне проводами свой мотив —
Пусть иней слов раскрасит звуков пламя,
Расставь акценты строго между нами,
На пару тактов расстоянье сократив.

По пульсу, по приметам, по ветрам
Ты передай мне эти паузы и ноты,
И, может быть, преодолев длинноты,
Мы обойдёмся впредь без телеграмм.

Наполни содержанием тишину —
Внуши мне что-нибудь на расстоянии,
И я, земной, проникнув в это состояние,
В твой космос на мгновение загляну.

А на постскриптум – каплю немоты,
Блюз из понятных только нам тире и точек,
И тот почтовый скромный синенький квиточек
Спасёт меня от вечной мерзлоты.

1994

ИЖДИВЕНЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Я лежал на диване, я смотрел телевизор и сны,
Я рассчитывал белым по белому на потолке.
И, пока перспективы были мне не очень ясны,
Я сам рисовал себе линии на руке.

Я попробовал встать – и встал, но не с той ноги.
Я попробовал взять – и взял, но не той рукой.
И пока надо мной потешались друзья и враги,
Я в уме для себя уравнивал суицид и покой.

И я хотел бы покинуть свой странноприимный дом,
Где на шесть чёрных зим – всего лишь одна свеча,
Но я никогда не хотел жить честным трудом,
Покуда в чести у людей лишь труды палача!

И тогда чей-то голос сказал мне: «Иди и пой».
И я пою, ведь закончить гораздо трудней, чем начать.
А поначалу я даже не знал, что песни – как бой
И равносильно предательству было бы замолчать.

И, когда я запел, я почувствовал: смерти нет,
И лишь бессмертие в смертных рождает предсмертный страх.
И мне приснилась волшебная птица, несущая свет,
И я почувствовал силу в голосе и в руках.

И я выбросил мусор, а остатки поставил на кон,
Я дал третий звонок и повесил на стенку ружьё,
А после этого стал за версту обходить закон —
Я вне закона, пока в законе ворьё!

И я пробовал петь, не различая нот,
Я брал аккорды на ощупь, а чаще совсем не брал,
Но моя птица, мой свет и мой голос сказали: «Вперёд!»
Мол: наплевать на условности, главное, чтобы не врал!

И я мог бы соврать, но меня уберёт Господь,
И всё, что было прямым, тут же загнулось углом.
И кто-то сверху хотел мне подсунуть новую плоть,
Но ограничился новой кровью и битым стеклом.

И, когда я пою, я предчувствую вновь и вновь,
Как возможность солгать сводит мой голос к нулю,
И я всё чаще забываю это странное слово «любовь»,
Особенно если чувствую, что люблю.

1994

ТРАНЗИТНАЯ ПУЛЯ

Уже отлита пуля,
Уже открыт транзит,
И бриг из Ливерпуля
Гольфстримами скользит.
В уютную каюту
Запрятан мёртвый груз,
Пять выстрелов в минуту
Отсчитывает пульс.

Уже под близким небом
Кармический конвой,
Уже Борис за Глебом,
Ерёма за Фомой...
И ивикова стая
Курлычет свысока,
И коротка прямая
От дула до виска.

Уже сырой землёю
Засыпаны ходы,
И Мёбиус петлёю
Лизнул сухой кадык.
Магические знаки,
И среди них – курок...
И солнечные злаки
Ласкают бугорок.

1993

ИДУЩИЙ РЯДОМ

Идущий сбоку,
Охраняющий место в груди,
Успеем к сроку,
Ты только не суетись,

Ты только помни,
Что там, за спиною, – черта.
Твои ладони
Для меня нужнее щита.

Идущий рядом,
Я твой предчувствую пульс,
Одним снарядом
Пусть нас накроет, пусть,

Одним нажимом
Пусть звёзды нас втопчут во рвы,
Но мы будем живы —
Звёзды будут мертвы.

Идущий сбоку – плечо в плечо.
Идущий рядом – глаза в глаза.
Идущий сбоку – плечо в плечо.
Идущий рядом – глаза в глаза.

Идущий долго
Параллельно гиенам в крови,
По чувству долга
Почти что равный любви,

По чувству ритма
Превосходящий дожди.
Прости, что рифма
Заставляет сказать: почти.

Идущий сбоку – плечо в плечо.
Идущий рядом – глаза в глаза.
Отлично знающий, что почём,
Но не доверяющий тормозам.

Идущий вместе —
Локоть к локтю, лоб в лоб —
Полями мести,
Фронтами измен и злоб,

Стреляющий светом,

Поднимающий грязь к небесам.
Моим ответом
На тебя пусть буду я сам.

Идущий столько
Лунных суток в прямую тень,
Не понятый толком
И третью из тех людей,

Что рыщут следом
И в восторгах брызжут слюной,
Кто был так предан,
Что уснул за твоею спиной!

Идущий сбоку – плечо в плечо.
Идущий рядом – глаза в глаза.
Отлично знающий, что почём,
Но не доверяющий тормозам.

Идущий сбоку,
Причитающий сверху вниз,
Успеем к сроку,
Ты только не задохнись,

Ты только помни,
Что там, за чертогом, – тщета.
Твои ладони
Для меня надёжней щита.

Идущий сбоку – плечо в плечо.
Идущий рядом – глаза в глаза.
Не сомневающийся ни в чём
И не доверяющий тормозам.

Идущий сбоку – плечо в плечо.
Идущий рядом – глаза в глаза.
Отлично знающий, что почём,
Но не доверяющий тормозам.

1993

ПРОСТО ПОМНИ

Просто помни:
Однажды жили
Кони пони.
Они дружили,
И ходили по кругу
В связке,
И шептали друг другу
Сказки
Про простые-простые вещи —
Про погоду и про здоровье.
Просто так им ходилось легче,
Просто так им жилось
меньшей кровью.
Просто поняли пони это,
Просто поняли и – ходили.
Просто помни:
Однажды жили
Кони
яблочного
расцвета.

1996

СВИДЕТЕЛИ

Завтра этот вечер станет нашей новой песней,
Завтра этот вечер станет нашим первым утром,
А пока мы делим время, умножаем ночь на двести
И изгибов добавляем с каждой новой Камасутрой.

Если даже рук двух пар нам
Не хватает для объятий,
Значит, чёт благоприятен —
Нечет лишний в нашем деле.
Мы на всём двуспальном теле
Не оставим белых пятен,
Поцелуев не оставим —
Всё своё возьмём в постели.

Завтра этот вечер станет нашей страшной тайной,
Завтра место встречи мы сменить сочтём возможным;
Мы сочтём, но не изменим, всё изменится фатально —
Ты не будешь осторожной, я не буду осторожным.

Там, на том конце Вселенной,
Напрягают слух соседи,
Их смешная добродетель
Заставляет быть на взводе,
Но на нашем минном поле
Даже Бог нам не свидетель,
Только флойды на кассете,
Только рыбки на комодe.

Завтра этот вечер станет поводом не трусить,
Завтра этот вечер станет поводом остаться.
Мы все мании излечим, мы все тросы перекусим
И – вдвоём на все четыре вдоль семи ветров скитаться!
По запретным коридорам
Маленьким клещом нательным
Я вползу в твою аптечку
И найду к тебе отмычку,
И назло всем командорам
И шагам их запредельным
Я зажгу в своей ладони
Сердца крошечную спичку —

Бейся,
Воробей, о свой застенок!
Лейся,
Сладкий мёд, на горький улей!
Смейся,

Тот, кто счастье зримым сделал!
Между даром и уделом,
Между порохом и бурей —
Мы...

Там, на том конце Вселенной,
Напрягают слух соседи,
Их смешная добродетель
Заставляет быть на взводе,
Но на нашем милом поле
Даже Бог нам не свидетель,
Только флойды на кассете,
Только рыбки на комод...
Только рыбки на кассете,
Только флойды на комод...

1997

МЕЛОДИЯ НЕПОНИМАНИЯ

Улицы злые, пустые дома.
Фонари навесные. В каждом окне – город-тюрьма.
Прятаться поздно – там, на реке, уже плавают мосты.
Люди и звёзды спят вдалеке, сушат хвосты.

Дома и машины прижались плотнее друг к другу, друг к другу,
Предчувствуют вьюгу, но им так не хочется вдруг околеть.
И я, чтоб не замёрзнуть, – по кругу, по кругу, по кругу,
Наполовину голодный, замёрзший, умерший на треть...

Мелодия непонимания.
Тяжёлая память – тяжёлый снег...
Не требую ни любви, ни внимания,
Но всё же, но всё же, но всё же – я тоже человек.
(Собаке – собачье...)

Лестницы стынут, ступени скользят.
В промокшую спину – люди плюют, звёзды грозят.
И нельзя возвращаться: там, где ты был, уже ставят посты.
Лишь остаётся вращаться по ближнему кругу беды.

Истрачены танцы, и песни никто никогда не услышит.
Усталые мысли разбросаны, их не собрать, не согреть.
И я, чтоб не поддаться, – всё выше, и выше, и выше...
Стремянкою в небо, к утру обречённый сгореть.

Восход неестественно тих
Назло катаклизмам природы,
И те, что на вольных хлебах,
Давно улетели на юг.
Земная печаль не для них.
Крылатые тени свободы...
Мы встретимся в тёплых краях,
В уютных краях чьих-то рук...

Мелодия непонимания.
Тяжёлая память – тяжёлый снег...
Не требую ни любви, ни внимания,
Но всё же, но всё же, но всё же – я тоже человек.
(Медведю – медвежье...)

1993

НАКАНУНЕ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Последняя ночь накануне Столетней войны,
Когда белый снег вместо скатерти застил стол...
Я встретил Вас, когда Вы были пьяны
И горящий помост с лихвой заменял Вам престол.

Я видел Вас, когда Вас вели на костёр
И Вам в спину кидал проклятия королевский дом.
И чёрный дым над Вами свой зонт распростёр,
А я полез в бутылку – и не помню, что было потом...

Позвольте Вас пригласить
На танец ночных фонарей,
Позвольте собой осветить
Мрак этих диких мест.
Позвольте Вас проводить
До самых последних дверей,
Позвольте полезным быть
И обо всём забыть!
И Вы сказали: Oh, yes.

Другая меня весь вечер тянула к огню
И шептала на ухо: «Диего, о как ты крут...»
Но я ей не верил и лишь крепче сжимал броню,
Стараясь вырвать свой сонный взгляд из её тёплых рук.

Я видел лишь Вас, я верил в одну лишь Вас,
И только для Вас я пел и за Вас страдал...
А когда часы на ратуше пробили двенадцатый раз,
Я предложил вам уйти – и тут же разразился скандал!

Позвольте Вас пригласить
На танец ночных фонарей,
Позвольте собой осветить
Мрак этих диких мест.
Позвольте Вас проводить
До самых последних дверей,
Позвольте полезным быть
И обо всём забыть!
И Вы сказали...

Тук-тук —
Слышишь, снаружи таинственный звук,
Будто бы – тук-тук —
Кто-то сплетает материю вьюг,
Это не вдруг, вдруг...
Видишь, в глазах затаился испуг;

Видимо, тук-тук —
Это мотив постоянных разлук,
Он попал на нашу волну,
Раздробив тишину
На шесть десятков минут...

Железная леди, звезда восходящих лет,
Исчезла с рассветом, оставив на чёрный день
Овал от портрета, которого, в сущности, нет,
И надежду на миф – вместо веры в живых людей.

Но я не поэт и, слава богу, уже не учусь —
Я констатирую факты, листая сухие сны,
И мне не вспомнить лица, хотя я выучил всю наизусть
Ту последнюю ночь накануне Столетней войны...

Позвольте Вас пригласить
На танец ночных фонарей,
Позвольте собой осветить
Мрак этих диких мест.
Позвольте Вас проводить
До самых последних дверей,
Позвольте полезным быть
И обо всём забыть!
И Вы сказали...

1990

ПОДМАСТЕРЬЯ

Когда банальные причины
Позволят нам уйти в запой,
Когда – навеки излечимы —
Мы станем сами не собой,

Когда, скрепя сердца и перья,
Совьём из лжи тугую вязь,
Нас время примет в подмастерья
Науки жить не торопясь.

Когда – посмертно, но с апломбом —
Мы примем чувства за порог,
Когда судьба нам даст условно
Пятнадцать мемуарных строк,

Когда мы вытравим химеру
Из этих параллельных вен,
Мы посвятим друг друга в веру
Терять, не находя замен.

Когда рассыплются преграды
Без объявления войны,
Когда нас выдадут награды
Погибших на фронтах весны,

Когда немymi вечерами
Забудем, как друг друга звать,
Мы тоже станем мастерами
Искусства, падая, вставать.

1994

ДВОРНИКИ

В холодных трубах замерзает вода,
В стаканах – лёд, на подоконниках – снег...
Мети, метель, мети, пока холода,
Полярную ночь
Прими на ночлег.

Пока ветра в разлив и звёзды на вес,
Пока аккорды замерзают в груди,
Мети, метель, мети с надрывом и без,
Крути веселей,
Смелее верги!

Мети, метель, пока не станет теплей,
Буди, метель, буди, пока горячо,
Всех, кто с тобой одних и тех же кровей,
Кто спит на плече,
Плечо о плечо.

Дворники с улицы имени Леннона
Не боятся ни мороза, ни голода —
Бородатое поколение
Рок-н-рольного старого города.

От полнолуния до солнечных бурь
Всего семнадцать вдохновений весны.
Мети, метель, мети и брови не хмурь —
Мети в глубину,
Ищи глубины.

Переверни, метель, страницу времён:
Под слоем золота – асфальт серебра.
Названий тьма, но маловато имён,
А значит, прости,
А значит, пора!

Дворники с улицы имени Леннона
Не боятся ни мороза, ни голода —
Бородатое поколение
Рок-н-рольного старого города.

Гитары в руки, мётлы в зубы – и в путь!
Подземным ходом от морозов к весне.
Мети, метель, пока креплёная ртуть
Стекает на дно
И тает на дне.

Мети, метель, сдувай золу со столов,
Гляди, рассвет уже, как порох, трещит,
И в тишине уже звучит Слово Слов,
И солнечный шар —
Как солнечный щит!

Дворники с улицы имени Леннона
Не боятся ни мороза, ни голода —
Бородатое поколение
Рок-н-рольного старого города.

Дворники с улицы имени Леннона
Маршируют на свежую голову —
Легендарное поколение
Рок-н-рольного честного города.

1993

УХОДЯ – ВОЗВРАЩАЙСЯ

Уходя – возвращайся всегда и везде,
По студёной воде, по горячим ветрам.
Город будет скучать по твоей доброте,
По твоей красоте и красивым делам.

Город будет всех сравнивать только с тобой,
Город будет всех мерить по меркам твоим.
Уходя – возвращайся по льду и рекой,
Допоём, доиграем и договорим.

Уходя – возвращайся везде и всегда,
Прожигая года, поджигая мосты.
Город будет скучать, и встречать поезда,
И ловить в каждой встречной родные черты.

Уходя – возвращайся созвездьям назло.
Все дороги – узлом, но выводят к тебе!
Город будет все стрелы проверять на излом
И искать твою звонкость в любой тетиве.

Уходя – возвращайся везде и всегда,
Если будет беда и если будет успех.
Пусть открыты тебе всей земли города,
Но мой маленький город – уютнее всех.

Уходя – возвращайся всегда и везде,
По студёной воде, по горячим ветрам.
Город будет скучать по твоей доброте,
По твоей красоте и красивым делам.

1994

ОБА НЕБА

ЛЕТАЙТЕ САМОЛЁТАМИ

Летайте самолётами и сами по себе —
Из дома на работу, а потом по магазинам,
Расправьте ваши крылья, пусть другие рты разинут, —
И с высоты авоською подайте знак толпе.

Пусть летит за вами, кто может,
Коли тяжесть душе не мешает,
Коли боль и сомненья не гложут
И домашние не возражают.

Летайте самолётами и сами по себе,
Но помните, что снайперы на небесах засели,
И греют пальцами курки, и держат на прицеле
Всех, кто летает по небу в противовес толпе.

Летайте вверх, а главное – не бойтесь вниз упасть!
Уж лучше падать штопором, чем штопором крутиться.
Не верьте измышлениям, что человек не птица,
Бросайтесь прямо в пропасть неба, ветру прямо в пасть!

Пусть летит за вами, кто может,
Коли тяжесть душе не мешает,
Коли боль и сомненья не гложут
И домашние не возражают.

Летите прямо к северной Медведице-звезде,
Тревоги и волнения балластом бросьте за борт.
Отныне вам открыты север, юг, восторг и запах!
Привет лихим стервятникам, осевшим на хвосте!

Попробуйте парение от первого лица,
Дыхание свободнее, отчётливей движенья,
Всего-то дел – разрушить миф земного притяженья
И наплевать на пущенный вдогонку дюйм свинца...

Пусть летит за вами, кто может,
Коли тяжесть душе не мешает,
Коли боль и сомненья не гложут
И домашние не возражают.

1993

ПАВОДОК

Зима обуглила скворечники.
Весна размыла снежных дев.
Но лето с осенью по-прежнему
Гуляют, шапок не надев.

Проталин выцветшие фантики
Пестрят под снежным сургучом...
Не новички в стране романтики —
Мы вспоминаем, что почём.

По золочёным траекториям
Мы плыли в такт, и каждый знал,
Что всем осенним предысториям
Весной придёт полуфинал,

Но мы решились на терпение,
Мы опровергли вещей сов
И растянули то затмение
На восемь световых часов.

Это паводок. Это паводок.
Это паводок на Неве...

Под колпаком у бога-повара
Мы стали – соль в его еде
И, в оба неба глядя поровну,
Скользили по одной воде,

А он закручивал конвертами
И жёг немедленным огнём,
Чтоб друг для друга интровертами
Мы оставались только днём.

И то, что чудилось за месть иным,
Стекало оловом в печать,
И стало противоестественным
Друг другу что-то не прощать.

И грызунов железной совести
Я прятал на девятом дне
И рассыпался в невесомости
По Петроградской стороне.

Это паводок. Это паводок.
Это паводок в голове...

Но, зацепившийся за дерево,
Хранитель наш недоглядел,
Что всё давным-давно поделено
И каждый третий не у дел —

В том мире, где с собою ладил я,
Но не во всём и не всегда,
Где вечно Новая Голландия
Граничит с площадью Труда.

И проливными коридорами
Я возвращался в круг комет,
Где ночь колумбовыми шторами
Нам приоткрыла новый свет,

Когда сердца лишились юности
И осторожности – умы,
Чтоб так легко с собой июль нести
Сугробами большой зимы...

Это паводок. Это паводок.
Это паводок, но не верь...

1997

ЛЕСТНИЦА, ПОЛНОЧЬ, ЗИМА

В голубых городах, где не был я никогда,
Где признания пишут веслом по воде,
В золотых поездах, где вместо стёкол слюда,
Где вместо чая и сахара – блики и тень,

В том году, когда солнце уйдёт на восток,
В том году, когда ветер подует на юг,
Через несколько лет, через лет этак сто
Ты увидишь сама, как размыкается круг.

А всё могло бы быть лучше,
Всё могло бы быть по-другому, но
Его величество случай
Опровергает и аксиому, да,
Всё могло бы быть лучше,
Всё могло бы быть чуть умнее, но
Ты выбирала, где круче,
А крутость – блеф, не спеша за нею...
Лестница, полночь, зима —
Ты выбирала сама.

Среди голых равнин, среди одетых полей
Как смогу объяснить законы правой резьбы?
Просто я Скорпион, просто ты Водолей,
Просто это судьба, а верней, две судьбы.

Просто, как ни разлей, мы всё – седьмая вода,
Просто, как ни заклей, мы делим сушу на шесть,
И на нет суда нет, и на да нет суда —
Подсудно только молчание. Поза – не жест.

Всё могло бы быть проще,
Всё могло превратиться в шутку, но
У жизни ломаный почерк,
А вместо точек – лишь промежутки, да,
Всё могло бы быть проще,
Всё могло быть не так серьёзно, но
Мы не смотрели на прочих
И доверяли фальшивым звёздам...
Лестница, полночь, зима —
Ты выбирала сама.

Так что ты не грусти, медитируй на снег.
Всё когда-нибудь кончится, как ни крути.
Просто я человек, просто ты человек,
Просто звёздам и терниям не по пути.

И когда это солнце уйдёт на восток,
И когда свистнет рак на волосатой горе,
Ты сама зачеркнёшь последний жёлтый листок
На полысевшем за давностью календаре.

Всё могло быть и хуже,
Всё могло быть в сто раз сложнее, но
Мы избежали той стужи
И сами стали чуть холоднее, да,
Всё могло быть и хуже...
Слава богу, всё обошлось, но
Пружины врозь и наружу,
Всё заросло, хоть и не срослось...
Лестница, полночь, зима —
Ты выбирала сама.

1997

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Полярная звезда
На середине неба,
И кислый мякиш хлеба,
Да мыслей череда.

И, сидя у окна,
Напротив зимней ночи
Ты видишь мир короче
И проще полотна.

А если сесть спиной
К окну на табуретку
И если есть конфетку
И быть совсем земной,

То не поймёшь звезды,
И середины хлеба,
И даже мыслей неба
Полярной череды.

1993

ПЕПЕЛ КЛААСА

Город был убежищем Венеры,
Марсу был подобен каждый дом.
Прятались от снов миллионеры —
Спали под дамокловым судом.

В темноту плевались рестораны,
Небо отбивало звёздный рэп,
Ветер выворачивал карманы,
Прикрепляя к шляпам чёрный креп.

Это было тогда, когда не было нас,
Это было тогда, когда не было их,
Это было, когда загорался Клаас
И его едкий пепел сквозь небо проник
Прямо в сердце...

Публика с работы возвращалась,
Быт испив согласно паспортам,
И Земля невидимо вращалась,
Лбом стучась в космический тамтам.

Никому не нужной красотой
В серое вонзались снегири.
Мёртвым снегом, как живой водою,
Лужи поминали фонари.

Это было тогда, когда не было нас,
Это было тогда, когда не было их,
Это было, когда загорелся Клаас
И его едкий пепел сквозь время проник
Прямо в сердце...

Рёбра обгоревшего каркаса,
Боль в застывших капельках смолы.
И тенями нового Клааса
Багровеют чёрные углы.

Площадь затушила сигареты,
От огней устав до тошноты,
Только блик с повадками кометы
Тлел в утробе кухонной плиты...

Это было тогда, когда не было нас,
Это было тогда, когда не было их,
Это было, когда разгорался Клаас
И его едкий пепел сквозь память проник

Прямо в сердце...

1994

ПЕЧАЛЬНЫЙ РОДЖЕР

Налей мне рому, мой печальный Роджер,
И улыбайся, сколько хватит силы...
Любовью за любовь – себе дороже,
До дрожи или даже до могилы.

Когда с живых сердец снимают стружку,
На белом флаге много красных пятен.
Так подними свою стальную кружку,
Хоть повод, как всегда, и непонятен.

На беду, на века
Нам всем отшибло покой,
Но море стало рекой,
И нам опять не остаётся ничего, кроме
Рома и крови!

Пусти мне кровь, мой беспризорный Джокер,
И окропи проигранные карты.
Всё дело – в страхе, а всё тело – в шоке;
Мы не рабы, но и не Бонапарты.

Кто морю мил, тот небу ненавистен —
Война стихий в стихийной свистопляске.
Чтоб избежать её пропитых истин —
На оба глаза чёрные повязки.

На беду, на века
Нам всем отшибло покой,
Но море стало рекой,
И нам опять не остаётся ничего, кроме
Рома и крови!
(Сухой закон – для тех, кто не болел
Морскою болезнью.)

У жизни – дно, где у бутылки – пробка.
Пират без корабля – что поп без паствы.
Не щёлкай клювом, мой трофейный Попка,
Лети к своим – пусть гибнут за пиастры!

И стоило всю жизнь сидеть на шиле
И корчить то борьбу, то паранойю,
Чтоб эти твари залпом положили
Пятнадцать членов на сундук со мною!

На беду, на века
Нас всех накрыло водой,

И солнце стало звездой,
И нам опять не остаётся ничего, кроме
Рома и крови!

1997

ОДИССЕЙ И НАВСИКАЯ

Пока Пенелопа вязала носки,
Еженощно их вновь распуская,
На том берегу быстротечной реки
Одиссей повстречал Навсикаю.

Навсикая сказала ему: «Одиссей!
Возвращение – лишь полумера.
Оставайтесь со мной – быть вдвоём веселей.
Почитаем друг другу Гомера».

И стекла со страниц типографская мзда,
Надорвав путеводные нити,
И магнитную стрелкой морская звезда
Задрожала в грудном лабиринте.

И рискнул Одиссей сделать медленный вдох,
И, забывшись в прекрасной атаке,
Опроверг каноничность сюжетных ходов...
А тем временем там, на Итаке,

Пенелопа плела ариаднову нить,
Ахиллесовы дыры стараясь прикрыть,
Но, сизифов свой труд
Распуская к утру,
Понимала: ничто не поможет!
Не вернёт Одиссея драконовый зуб,
Не убьёт Одиссея горгоновый суп,
Не взойдёт тот посев, если разве что Зевс
Обстоятельств пристрастную сеть
Не переложит!

Но и Зевс был не в силах распутать любовь —
Так уж мир был самим им устроен.
Только тот, кто своих уничтожит богов,
Может стать настоящим героем.

И, приняв этот тезис как истинный дар,
Одиссей наплевал на иное —
Лишь вдыхал семизвучный гортанный нектар
В колоннадах царя Алкиноя.

Даже в ставке Аида не знали, чем крыть,
В перископ увидав Одиссееву прыть,
И Олимп с этих пор
Стал не больше, чем хор, —
Рабский хор на правах иноверца.

Одиссей промышлял по законам ветрил —
Он своими руками свой эпос творил
И, ломая покой,
Прометеев огонь
Насаждал глубоко-глубоко
В Навсикаино сердце.

И всё, что было запретным с отсчёта веков,
Проливалось в подлунном слиянье
И маячило целью для обиняков
В преднамеренном любодеенье.

Но судилища лопались, как пузыри,
И на дно уходили по-свойски,
И тогда посылали земные цари
К Навсикае подземное войско!

Одиссей понимал, что вверху решено
Изрубить золотник в золотое руно,
Но средь лая охот
Каждый выдох и ход
Он выдерживал, будто экзамен.
И опять ускользал, оставаясь, с кем был,
Из циклоповых лап одноглазой судьбы,
Потому что решил:
Сколько б ни было лжи,
Не садиться по жизни в чужие
Прокрустовы сани...

Но однажды взорвётся картонный Парнас,
И уйдут часовые халифы,
И сирены морей будут петь лишь для нас —
Лишь про нас, ибо мифы мы, мифы!

Жаль, счастливая будущность – только оскал
Прошлой дерзости на настоящем.
И погибнет в итоге, кто жадно искал,
Тот, кто выждал, бездарно обрящет.

Эта истина пала, как камень, с небес —
И накрыла обоих. Но мудрый Гермес
Через брод облаков
Их увёл от богов,
И от звёзд, разумеется, тоже.
И, присвоив им высший языческий сан,
Он согласно подземным песочным весам,
Чтобы жар не зачах,
Их семейный очаг
Превращал по началу начал

В любовное ложе.

Так, пока Пенелопа вязала носки,
В аллегории снов не вникая,
На том берегу самой быстрой реки
Одиссей повстречал Навсикаю.
Навсегда.

1997

МАВЗОЛЕЙ

Хочешь, я подарю тебе мавзолей
Или розовый скальп того, кто лежит в мавзолее?
Хочешь, я разолью по шоссе елей,
Чтобы ездить в автобусах было ещё веселее?

Хочешь, я распишусь на твоих плечах
И покрою их лаком, чтобы буквы держались долго?
Хочешь, я стану мелочным в мелочах
И толковым в делах, от которых немного толка?

Хочешь?.. Если ты только хочешь,
Ты можешь делать то, что ты можешь,
Но, если захочется очень-очень,
То, что не можешь, попробуй тоже.

И неча пенять на бодрость духов,
Коли вместо сердца – вата.
Вечность короче подлых слухов,
Если цена её – расплата.

Только не делай влюблённым моё лицо
И мой голос избавь от сентиментальных звуков.
Только не вынуждай меня быть лжецом —
Я неточен всегда в точных таких науках.

Лучше оставь в покое мой нервный шаг,
И, быть может, тогда мы хоть в чём-то найдём примиренье.
Лучше пусть по утрам будет свист в ушах —
И я приму его сдуру за чьё-то там благословенье.

Лучше делай всё так, как лучше,
Но только не забывай про «только»,
Помни, что каждый счастливый случай —
От полного счастья всего лишь долька.

Что же ты прячешь слёзы в складках
Этих пустопорожних истин?
Негоже пенять на жизнь в заплатках,
Коль спутал Кресты с Агатой Кристи.

Хватит. Я знаю: этот взгляд в потолок
Уволок не одну когда-то бессмертную душу.
Слушай, кончай свой внутренний монолог
И диктуй некролог – ты видишь, я почти что не трушу.

Хватит. Кончай свои опыты и уходи,

Уходи навсегда, а мы здесь разберёмся сами...
Слякоть, и вместо снега теперь дожди,
А я никак не пойму – и всё готовлю, готовлю сани...

1991

САМОЛЁТ

Самолёт мой у крыльца
Заведён и дышит жаром,
У пилота под загаром
То ли копоть, то ли пыльца.
Улетаю в небеса,
Разделённые по парам.
Пожелай мне – с лёгким даром —
Два билета в два конца.
Самолёт мой невелик —
Два притопа, три прихлопа,
Два аршина, взгляды в оба
И солёный пуд земли.
Бирюза и сердолик
На его крылах покатых.
Пожелай мне снов богатых
И нерукописных книг.

Пожелай мне нелётной погоды,
Подскажи мне, как побыстрее вернуться,
Но не верь мне, что улетаю на годы, —
Не успеет земля обернуться...

Самолёт не будет ждать,
Но не стоит обольщаться,
Даже если постараться,
На него не опоздать.
Ничего не надо брать;
Два желания – и только,
Ведь лететь придётся долго,
Значит, будет где терять.

Эта мёртвая петля
Замыкается внезапно,
Самолёт летит в засаду
Через льды и тополя.
Дам пилоту три рубля —
Пусть помедленней, кругами
Или даже вверх ногами:
Небо – звёзды – след – земля...

Пожелай мне нелётной погоды,
Подскажи мне, как побыстрее вернуться,
Но не верь мне, что улетаю на годы, —
Не успеет земля обернуться...

Не ищи меня потом

И не обивай порога,
Я вернусь другой дорогой
И найду свой старый дом.
Восемь футов под крылом,
Пять парсеков в поднебесье —
С этой рукотворной песней
И с мечтами об ином.

Пожелай мне улётной погоды,
Подскажи мне, как побыстрее вернуться,
И не верь мне, что улетаю на годы...
Не успеет земля
Обернуться вокруг —
Через льды, тополя,
Через тысячи выюг,
По дорогам пыли,
Оставляя круги,
Я вернусь, но другим,
Я начну, но с нуля,
А пока – самолёт
Раздувает пары,
Отправляюсь в полёт
Посмотреть на миры...

1993

ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Всё
Было не так давно,
Но...
Но
Что-то ушло на дно —
I don't know.

Что-то выпало в осадок,
Кто-то впал в оцепененье,
И не счесть душевных ссадин
Плюс плохое настроенье.

Ты,
Видимо, стал другим —
Так, слегка.
Льды
Года превратили в дым,
В облака.

Ты ещё не слишком старый,
Ты – как бомба без запала,
Эти песни под гитару
Не мурлычешь, как бывало

Пять лет назад,
А может, шесть или семь,
Тот адресат
Утерян насовсем,
И не сказать,
Не написать ему —
Тому тебе.
Себе тому...

Дверь
Открытой была от и до
Для друзей.
Теперь
Дом твой уже не дом,
А музей.

Ты в делах, как в катакомбах,
Но в припадках ностальгии
Собираешь тех знакомых,
Но они уже другие.

А жаль,

Ведь не было крепче уз,
Ты проверь:
Спирт «Рояль»
Тебе не заменит блюз
И портвейн.

По химическим составам
Это шило лучше мыла,
Но – мурашки по суставам,
Только вспомнишь то, что было

Пять лет назад,
А может, шесть или семь,
Тот адресат
Утерян насовсем,
И не сказать,
Не написать ему —
Тому тебе.
Себе тому...

Пусть
В будущем будет мир
И почёт, —
Груз
Памяти, как вампир,
И всё течёт...

Ты поёшь другие песни
И не бесишься ночами,
Ты, как старый Элвис Пресли,
Колоритный, но печальный.

Вот так.
И нам не понять, в чём секрет,
Извини.
Да,
Видно, что-то свело на нет
Эти дни,

Но ни перемена строя,
Ни компьютеры, ни цены,
А совсем-совсем другое —
То, что в общем, но не в целом.

Как будто странный человек
В убогом штопаном пальто
Сквозь темноту и первый снег
Уходит в нечто и в ничто.
Вот он за угол завернёт —

И там исчезнет без следа.
И кто его теперь вернёт?
Никто и никогда...

Пять лет назад,
А может, шесть или семь,
Тот адресат
Утерян насовсем,
И не сказать,
Не написать ему —
Тому тебе.
Себе, но тому...

1993

СНОВА В КОСМОС

Когда придёт конец календарям,
Когда гонец мне принесёт худую весть,
Когда открытия останутся дверям,
Я докажу, что порох сух, а повод есть —

Уйти, растаять, раствориться, проскользнуть поверх голов,
Погибнуть в правильном бою без всяких модных ныне ран,
Пустить разнузданных коней в неуправляемый галоп
И, оперевшись лбом об лоб, смотреть в тускнеющий экран.

А там – пружины посторонних бед,
А там – вершины призрачных преград...
Ничто – ничто не стоило побед,
Ничто – ничто не стоило утрат.

Прости меня, но я уже не однолюб,
Пусти меня – я уйду к другой судьбе.
Мне не вписать воздушный шар в щедедушный куб,
И мне с тобой уже не по себе.

Уж лучше в космос, в преисподню, в чёрт-те что и чёрт-те как,
Сменив изящный поводок на цепь осмысленных причин,
Пустить попеременный ток и течь в божественный кабак,
Где много долгожданных вдов и преждевременных мужчин.

Смотри, уходят к звёздам корабли
Со дна, где тиной правит мутный бес...
Ничто – ничто не стоило земли,
Ничто – ничто не стоит и небес.

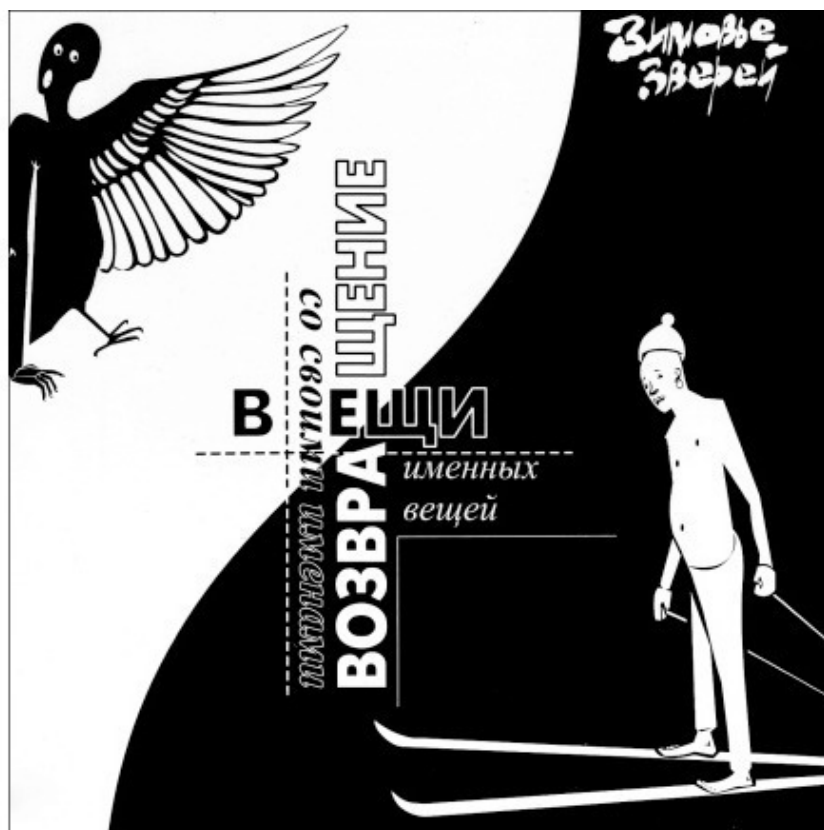
Мой первый долг – не возвращаться никогда,
И ты, мой друг, не возвращайся, уходя.
Пойми: всё то, что пел я раньше, – ерунда,
Все песни – вздор и жить лишь рифмами – нельзя!

Стезя открыта, вместо плуга – зуб дарёного коня,
Дожить до завтрашнего дня трудней, чем стать самим собой.
Мы удостоили друг друга – без огнива и кремня.
Лишь лихом поминай меня – и всё окупится с лихвой.

Я был всегда с великими на «ты»,
И мне обещан с главным визави...
Ничто – ничто не стоило мечты,
Но что!.. Но что-то стоило любви!

1996

ВЕЩИ СО СВОИМИ ИМЕНАМИ

КОВЧЕГ

Помянув все свои потери
Каплей горечи в каждом тосте,
Вечер кончится ровно в девять,
И завянут цветы и гости.

Бесконечные пересуды,
Бестолковые кривотолки,
На столе – звездопад посуды
И разбитых светил осколки.

Молча сядь между мной и осью,
И земля перестанет вращаться.
Вечность кончится ровно в восемь,
За минуту до полного счастья.

Лысый шар в волоске от лузы
Не рискнёт ни скользнуть, ни падать.
Время снова откроет шлюзы
И затопит плотину-память.

Нам предрекали —
Отказ в ночлеге
Последней паре
В пустом ковчеге.

На дне колодца —
Источник света.
Лишь остаётся
Поверить в это.

Вечер кончится ровно в девять.
Ты гостей в сундуках закроешь,
И, заняв их подсчётом денег,
Мы коснёмся иных сокровищ.

Мне безликих богинь дороже
Ты, которую вижу воочию.
И выводит мороз на коже
Явь, добытую зимней ночью.

Коса на паперть —
Роса на пашни.
Как грустно падать
Пизанской башне.

В круг Галилея,

В изгиб сосуда.
Всего труднее —
Заметить чудо.

Всё, что кажется неизбежным,
Океан обесценит в полночь.
И натянется побережье,
Как тугая бурлачья помочь.

Проводившие нас, надеюсь,
Там, на суше, приветят осень...
Вечер кончится ровно в девять.
И вечность кончится... Но не бойся!

Суть расстояний
В пятьсот сожжений:
Без расставаний
Нет продолжений.
В этом ничтожность
Цивилизаций —
Познать возможность,
Чтоб отказаться.
И плыть...

1998

НЕ ВАЛЬС

*Комод. Патефонная злая игла.
Тифозно-иконная комната. Фуга.
Где ты была? Когда ты была,
Сестра милосердия (в скобках – подруга)?*

*Плохая писклявая плоская твердь —
Кровать, на которой всё разом зачато:
Волхвы и желания, голод и смерть,
Друзья и враги, сыновья и внучата.*

*И запах клопов – будто запах духов.
Бедовые платыца, примусы, слоники.
Басовый аккорд фисгармонных мехов.
Кресло в морицинах. Стихи и поклонники...*

*А год безымянный, безвременный век.
Война не война, но тоскливо, и вьюга.
И там за стеклом – молодой человек
И всё ещё девочка (в скобках – подруга).*

Нет, это не вальс,
Это то, что я сделал для Вас
На обратном пути.
Нет, это не вальс,
Это несколько скомканных фраз
Вместо слова «прости».

Нет, это не вальс,
Это просто печальный рассказ
С несчастливым концом.
Да, это не вальс,
Это жизнь ангажирует нас
С равнодушным лицом.

Счёт, дайте мне счёт!
Наплевать, что кругом всё течёт
И срывает мосты.
Льёт ночь напролёт,
И чугунные львы у ворот
Поджимают хвосты.

Гром, водоворот —
Невозможно движенье вперёд,
Если память жива!
Счёт, дайте мне счёт!

Я сбиваюсь, а время не ждёт
И качает права.

Раз-два-три,
Раз-два-три,
Раз-два-три, раз...
Это не танец,
Нет, это не вальс —
Нечто кичёвое,
Нечто никчёмное
Снова пытается выманить нас.
Раз-два-три,
Раз-два-три,
Раз-два и три...
Видишь – любуйся,
Не видишь – смотри:
Пары танцующих,
Тройки гарцующих,
Птички, синички, скворцы, снегири...

Легче, плавнее, уютнее, тише —
Тот, кто уснул, всё равно не проснётся.
Тот, кто проснётся, увидит афиши
И по весне в самокрутку свернётся.

Тот, кто размешан живою водою,
Выплеснут в лужу и предан забвенью.
Я отправляюсь в леса за тобою,
Чтобы успеть к твоему возрождению.

Я исполняю заказы и даже
Тайно беру чаевые и сальдо.
Я выставляю всё на продажу —
Подлость, как искренность, универсальна.

Сальные линии, плотные тени,
Тонкие талии, меткие руки:
Вальс – идеальное изобретенье,
Чтобы продлить долгожданные муки.

Лист, падает лист...
Слышишь сверху таинственный свист —
Это время пришло!
Лист падает в лист...
Если в силах ещё, оглянись
И – дождём о стекло!

Лист, падает лист...
Я давно уже не оптимист,

Я себя опроверг.
Вниз, всё-таки вниз...
Я вальсирую вниз,
А ведь мне так хотелось наверх!

Раз-два-три,
Раз-два-три,
Раз-два-три, раз...
Это не танец,
Нет, это не вальс —
Нечто кичёвое,
Нечто никчёмное
Снова пытается выманить нас.
Раз-два-три,
Раз-два-три,
Раз-два и три...
Видишь – любуйся,
Не видишь – смотри:
Пары танцующих,
Тройки гарцующих,
Птички, синички, скворцы, снегири...

Нет, это не вальс,
Это то, что я сделал для Вас
На обратном пути.
Нет, это не вальс,
Это несколько скомканных фраз
Вместо слова «прости».

Да, это не вальс,
Это просто печальный, печальный,
Печальный рассказ...
Нет, это не вальс,
Это раз-два-три, раз-два-три,
Раз-два-три, раз-два-три, раз...

1994

ГЛЮК

Смирись со мной, мой бледный друг,
И не дрожи листом.
Мой козлоногий серый глук
С сиреневым хвостом,

Живущий скрипами в полу,
Скользящий по стене,
Вчера на жизненном углу
Ты повстречался мне.

Ты был в цивильном пиджаке
И клетчатых штанах,
И линии в твоей руке
Предсказывали страх.

Я подмигнул тебе, а ты
Мне пригрозил хвостом
И медленно уполз в кусты,
Спугнув чужой фантом.

А я искал тебя всю ночь
И, сбившись с задних ног,
Вдруг понял: горю не помочь!
И стал я одинок.

Я разозлился на тебя,
А ты ответил мне тем,
Что, искренне по мне скорбя,
Вернулся насовсем.

А нынче снова мы враги,
Хоть в чём-то и родня.
Ты съел вчера мои носки —
Ты оскорбил меня!..

Вот так вот за большим углом
Овального пути
Стоит печальный бог Облом
С усмешкой на груди.

1989

СОЛИДНЫЙ МЕДЛЯК

Вчерашний покой,
стучащий, как гной,
исчез.

И жуткая ночь
слезает, как скотч,
с небес.

Но ты уже спишь и не видишь Луны,
Тебе уже снятся свободные сны,
В которых нет той,
что разбила святой
союз,

Той, ради которой ты был взаперти,
Которую тщетно пытался найти,
А после – спасись,
ей посвятив
свой блюз.

Солидный медляк,
написанный для неё.
В котором и текст,
и музыка – всё твоё.
Солидный медляк,
исполненный для друзей,
В котором и текст,
и музыка – всё о'кей.

В кармане твоём
с крестом медальон
и файв.
И стрелки часов,
как плечи весов, —
всё в кайф.

Но что же ты медлишь! Очнись же скорей!
Тебя ждёт толпа у закрытых дверей.
Средь мокрых ресниц
в выражении лиц —
тоска.

Тебя больше нет, но ведь это секрет —
Они ещё ждут, что в окне будет свет!
Пусть дом твой закрыт,
но ведь где-то звучит
пока

Солидный медляк,
написанный для неё.
В котором и текст,
и музыка – всё твоё.
Солидный медляк,
исполненный для друзей,
Пьянящий, как мак,
гнетущий, как мрак... О'кей.

Твой призрачный мозг
рассыпчат, как воск,
и смят.
Но это обман,
ведь ты – меломан,
мой брат.

Она ещё бродит по проседи крыш,
И мы её видим, но ты уже спишь.
И всё как всегда,
и лишь эта беда
с тобой.

Не надо, не стоит распугивать муз —
Пускай прозвучит твой решающий блюз,
Пусть хоть пара шагов,
но зато без оков!
Не стой!

Один – как другой,
Но ведь ты не такой,
Ты же споришь с судьбой
И нарушаешь покой,
Ты презираешь устоя,
И мы идём за тобой
За то, что ты в доску свой.
Но что сегодня с тобой?
Ты как будто немой!
Рот скорее открой
И немедленно спой
Им свой

Солидный медляк,
написанный для неё.
В котором и текст,
и музыка – всё твоё.
Солидный медляк,
исполненный для друзей,
В котором и текст,

и музыка – всё о'кей.

1988

ПЕСНЯ ПРО ПТИЦУ

Жила на свете птица с руками вместо крыльев —
Случилось уродиться такому вот изъяну.
Все родственники птицы летали в изобилье,
А здесь – и клюв, и перья, а руки – как у обезьяны!

Назвали птицу выпью, и выпили за здравье,
И в лучшем зоопарке ей отвели клетушку,
А возле изголовья повесили заглавье:
Мечтами птицу не кормить, не то найдёте в клетке тушку!

А птицу так и тянет летать,
У птицы той крылатая мать,
У птицы той летучий отец,
А она сама,
Будто нет ума,
Не может летать – и всё!
Не может летать...

Пришёл на помощь птице какой-то академик,
Ветеринар безродный с оплывшими глазами.
Пришёл на помощь птице отнюдь не ради денег,
А по иронии судьбы – он тоже бредил небесами.

Он взял кататься птицу с собой на самолёте,
И вот они взлетели, и вот земли не стало.
А птица беспокойно ведёт себя в полёте,
А птица смотрит ввысь и ввысь, а птице мало, мало, мало!

А птицу так и тянет летать,
У птицы той крылатая мать,
У птицы той летучий отец,
А она сама,
Будто нет ума,
Не может летать – и всё!
Не может летать...

Но вдруг – memento mori! Но вдруг случилось горе!
Ветеринар отвлёкся и даже не заметил,
Как птица, прыгнув в небо, упала камнем в море
И распугала хищных рыб своею благородной смертью.

И академик плакал, мешая слёзы с пылью,
Но чей-то мудрый голос сказал: «Себя не мучай.
Коль приключилась птица с руками вместо крыльев,
То где-то есть и человек – безрукий, но зато летучий!»

А птицу так и тянет летать,
У птицы той крылатая мать,
У птицы той летучий отец,
А она сама,
Будто нет ума,
Не может летать – и всё!
Не может летать...

1992

В ЗАПОЙ

Не очень-то легко дойти пешком до неба,
А до тебя достать – куда трудней, ручаюсь я!
А мне кругом твердят, что истина – на дне, мол,
Ложь – где-то на поверхности, а правда – по краям.

Я здесь не для того. Я не люблю застолья.
Я на тебя люблюсь, о непьющий ангел мой!
Из всех путей к тебе, заведомо окольных,
Я выхожу на путь один – бессмысленно прямой.

Рву на себе тельняшку и не бреюсь ни хрена,
Стараюсь вызвать жалость тихой сапой,
А горло жжёт предчувствие большого бодуна,
Последний бой – он беспробудный самый!

Я смотрю на тебя, я слежу за тобой,
Я забыл все другие дела.
Вот возьму и уйду в настоящий запой,
Чтобы ты мне его прервала!

Я в жизни не ходил ни в горы, ни в походы,
Не плавал, не нырял, тем паче – не влезал в забой.
Но, правда, иногда я в детстве выезжал на воды,
А тут – без подготовки прямиком вхожу в запой!

Вхожу туда сознательно, с сознанием борьбы —
Быть может, всё, что было раньше, было лишь прологом
К решительному шагу за гранёный край судьбы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.